

ДЖЕК ЛОНДОН

ДЖОН
ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

*

РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Джек Лондон. Собрание сочинений (Клуб семейного досуга)

Джек Лондон

**Джон Ячменное Зерно.
Рассказы разных лет (сборник)**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Лондон Д.

Джон Ячменное Зерно. Рассказы разных лет (сборник) /
Д. Лондон — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»,
— (Джек Лондон. Собрание сочинений (Клуб семейного досуга))

ISBN 978-966-14-2570-4

И повесть, и рассказы, вошедшие в этот том, в основном автобиографичны. «Джон Ячменное Зерно» – пронзительная исповедь человека, для которого алкоголизм стал образом жизни, но который уверен, что подобное формирование его личности не является закономерностью. По ту сторону закона оказываются герои рассказов – люди, которые в поисках приключений попадают в мир авантюристов и попрошайек, игроков и воришек.

ISBN 978-966-14-2570-4

© Лондон Д.
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга»

Содержание

Джон Ячменное Зерно	6
Глава I	7
Глава II	10
Глава III	12
Глава IV	13
Глава V	18
Глава VI	21
Глава VII	25
Глава VIII	28
Глава IX	30
Глава X	35
Глава XI	37
Глава XII	40
Глава XIII	44
Глава XIV	47
Глава XV	52
Глава XVI	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джек Лондон
Джон Ячменное Зерно.
Рассказы разных лет (сборник)

Jack London
John BarLeycorn
Selected Works

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», предисловие и художественное оформление, 2009, 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Джон Ячменное Зерно

* * *

Глава I

Все это случилось однажды в день выборов. После полудня я выехал из ранчо, спустился в Лунную Долину и направился в маленькую деревушку, чтобы голосовать *за* или *против* ряда поправок к конституции штата Калифорния. День был жаркий, и я несколько раз выпил до голосования и много раз – после. Затем, поднявшись на покрытые виноградниками и лугами холмы, я приехал на ранчо, когда уже была пора ужинать, и снова выпил перед ужином.

– Как вы голосовали: за женское равноправие или против? – спросила меня Чармиан.

– Я голосовал *за*.

Она вскрикнула от изумления. Да будет всем известно, что в дни моей юности я, несмотря на свой пылкий демократизм, не сочувствовал идее женского равноправия. Даже в позднейшие годы я относился к этой неизбежной социальной реформе без всякого энтузиазма.

– Но почему же вы голосовали *за*?

Я начал отвечать подробно и с раздражением. Чем больше я объяснял, тем больше сердился. (Нет, я не был пьян. Лошадь, на которой я ездил, недаром звали Разбойник. Хотел бы я видеть пьяного верхом на этой лошади!)

И однако... как бы это лучше сказать? Я был возбужден, чувствовал себя хорошо, был в приподнятом настроении.

– Когда женщины добьются избирательного права, они будут голосовать за запрещение спиртных напитков, – сказал я. – Только женщины – жены, сестры и матери – смогут вбить гвоздь в гроб Джона Ячменное Зерно.

– Но мне казалось, что вы в дружбе с Джоном?.. – заметила Чармиан.

– Я его друг. Я был его другом. А теперь нет. И никогда не был. Меньше всего я его друг в то время, когда он со мной и когда кажется, что я его друг. Он – царь лжи. Он – воплощенная правдивость. Когда бываешь с ним, то кажется, что находишься в обществе богов. Но он также в союзе и с Курносой. Его путь ведет к неприкрашенной правде и к смерти. Он обладает ясно-видением и видит мутные сны. Он – враг жизни, он учит мудрости, потусторонней мудрости жизни. Он – убийца с окровавленными руками. Он – удалая молодость.

Чармиан смотрела на меня, и по глазам ее было видно, что она задается вопросом, где я успел так напиться?

А я все говорил и говорил. Я был взвинчен. Каждая мысль в моем мозгу сидела в своей маленькой клетке, словно присев на пороге у самой двери, как узник в камере, дожидаящийся, когда откроются двери. И каждая мысль была откровением, ярким образом, четким, не смешивающимся с другими. Мой мозг был озарен ярким, блестящим светом алкоголя. На Джона Ячменное Зерно нашел правдивый стих, и он охотно раскрывал через меня как посредника свое тайное «я». Я был его оратором. Воспоминания прошлого воскресали в моем мозгу и вытянулись в ряд, как солдаты на параде. Мне оставалось только выбрать любое. Я вполне владел своими мыслями и находил как раз нужные слова. При мне был весь мой жизненный опыт, я безошибочно находил нужные мне факты и строил изложение. Так обманывает и издевается Джон Ячменное Зерно, причудливо изощряя ум, нашептывая роковые истины и прорубая яркие просеки в монотонной обыденности.

Я обрисовал Чармиан мою жизнь, объяснил ей, какой я человек. Я доказывал ей, что я вовсе не потомственный алкоголик, что в моем организме нет и следа врожденного органического влечения к алкоголю. В этом отношении я рос нормальным человеком. Влечение к алкоголю было у меня благоприобретенное. С трудом приобретенное. Вначале алкоголь вызывал во мне какое-то отвращение, как любое лекарство. Мне и теперь не нравится его вкус. Если я пью его, то только за тот удар хлыстом, который он дает. Но между пятью и двадцатью пятью годами я не ценил в нем даже этого. И только после двадцатилетнего обучения мой организм

до некоторой степени приспособился к нему, и я, преодолев отвращение, выработал привычку к алкоголю.

Я рассказал Чармиан, как в первый раз познакомился с алкоголем, как впервые напился, как я чурался его раньше, и объяснил ей, что приучила меня в конце концов к алкоголю главным образом его доступность. Алкоголь не только всегда доступен, но и всегда под рукой. Какой бы профессией я ни занимался – был ли рудокопом, матросом, торговал ли на улицах газетами или просто путешествовал по чужим краям, – я видел вокруг себя алкоголь.

Где бы и когда бы ни сходились люди, ради каких бы то ни было целей – для веселья, для обмена мыслями, для обдумывания какого-либо предприятия или просто для того, чтобы отдохнуть от изнурительного труда, всегда связывал, объединял их алкоголь. Местом сборищ для людей был кабак, как для их пещерных предков – костер.

Я напомнил Чармиан, как на островах Тихого океана ее не пускали в священные хижины, бывшие для женщин табу, нарушение которого каралось смертью. Лохматые канныбалы уходили туда от своих жен, чтобы похмелиться и повеселиться на свободе. В молодости я часто искал в кабаке спасения от женской опеки; там я попадал в мир мужчин, где было больше простора и шири. Все дороги, полные романтических приключений, вели в кабак и оттуда расходились по всему свету.

– Суть в том, – закончил я свою проповедь, – что я пристрастился к алкоголю главным образом благодаря его доступности. Вначале я был к нему равнодушен и даже смеялся над ним, но в конце концов все-таки сделался пьяницей. Влечение к алкоголю прививалось мне в течение двадцати лет, а в продолжение остальных десяти оно пускало в моем организме все более глубокие корни. Однако удовлетворение этого влечения никогда не доставляло мне никакого удовольствия. По натуре я человек жизнерадостный и веселый, а выпив, становлюсь мрачным пессимистом.

– Но, – поспешил я добавить, как привык делать всегда, – надо правду сказать: Джон Ячменное Зерно правдив. Он говорит правду, срывая личину с истин, которые мы называем правдой жизни, и показывает, что они – ложь. В этом его сила.

– Это не улучшает жизни, – сказала Чармиан.

– Совершенно справедливо. В этом его трагедия. Он ведет к гибели, и поэтому я голосовал сегодня за женщин.

Я вспомнил свою жизнь, вспомнил, какую роль в моей привычке к алкоголю сыграла его доступность. Очень немногие люди рождаются алкоголиками. Я называю алкоголиками людей, у которых организм требует алкоголя и бессилен перед ним. Большинство пьяниц не только не чувствовали раньше влечения к алкоголю, но даже испытывали отвращение к нему. Ни первая, ни двадцатая, ни даже сотая рюмка не формирует еще привычки. Люди учатся пить так же, как они учатся курить. Но к пьянству привыкнуть труднее, чем к курению. Привычка к алкоголю обуславливается его доступностью. Это хорошо знают женщины, испытавшие все на собственной шкуре, – жены, сестры и матери. Когда женщины будут иметь право голоса, они будут голосовать за запрещение спиртных напитков. Благодаря этому новое поколение не будет знать алкоголя и не будет испытывать влечения к нему, а следовательно, не будет и чувствовать лишения от того, что его нет. От этого выиграют и мужчины – их жизнь станет полнее и содержательнее, и женщины, которые будут жить с этими новыми мужчинами.

– Почему вы не напишете книгу об этом в назидание грядущему поколению? – спросила Чармиан. – Чтобы жены, сестры и матери знали, за что им голосовать.

– «Воспоминания алкоголика»? – я криво усмехнулся. Впрочем, скорее не я усмехнулся, а Джон Ячменное Зерно; это он подсказывал мне все эти благонамеренные софизмы, и именно он скривил мою улыбку в насмешку. Он любит такие штуки.

– Зачем вы так говорите? – перебила Чармиан, не замечая издёвки Джона. – Вы ведь сами говорите, что вы не алкоголик, а всего лишь пьющий человек. Вы хорошо познакомились

с Джоном Ячменное Зерно. Опишите это знакомство и назовите вашу книгу «Воспоминания об алкоголе».

Глава II

Вначале я попрошу читателя постараться понять, о ком и о чем я пишу, потому что, только поняв меня, он сможет проникнуться ко мне должным сочувствием. Во-первых, я должен сказать, что я не заядлый пьяница с врожденным влечением к алкоголю, я не дурак и не обладаю слишком сильным животным инстинктом. Я знаю все, что можно сказать о Ячменном Зерне, от альфы до омеги, и, напиваясь, прекрасно владею собою. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня укладывали спать. Короче говоря, я – обыкновенный, нормальный человек и пью, как все. В этом вся суть. Я хочу описать, как действует алкоголь на обыкновенного, нормального человека. Настоящих алкоголиков, маньяков пьянства, которых сравнительно мало, я касаться не буду.

Пьющие делятся на два типа. Тип первый, всем хорошо известный: это тупые существа, не одарённые фантазией, с оцепеневшими в оцепенелых причудах мозгами. Они ходят качаясь, широко расставив ноги, и обычно кончают тем, что сваливаются в канаву. Заканчивается это состояние тем, что перед глазами у них начинают мелькать розовые слоны и голубые мыши. Над пьяницами этого типа обычно оттачивают свое дешевое остроумие юмористические журналы.

Второй тип – люди с большим полетом фантазии, обладающие пронизательностью. Походка у них твердая даже тогда, когда алкоголя ими принято предостаточно. Они никогда не выписывают вензеля, всегда устойчивы и никогда не теряют сознания. Опьянение касается только их мозга, но совершенно не властно над телом. Такой человек может быть веселым и остроумным; у него могут быть видения и фантазии космического масштаба, подавляющие своей железной логикой. В этом состоянии он срывает с жизни ее обманчивые покровы, и взорам его представляется сковывающее его дух железное кольцо необходимости. Это часть наивысшей власти Ячменного Зерна. Напиться до такой степени, чтобы упасть в канаву, – дело не хитрое и доступно каждому. Но страшно, когда твердо стоящий на ногах человек спокойно приходит к выводу, что единственный путь к освобождению – это ускорить свою смерть. Это час Белой Логике, когда человек понимает, что он может узнать лишь законы, которые управляют вещами, но что ему никогда не познать вещь в себе. Это для него час испытания. Он становится на тропинку, которая ведет прямо к могиле.

Он понимает все. Он знает, что все попытки разрешить проблему бессмертия имеют своим источником панический страх перед смертью, который еще увеличивает трижды проклятая сила воображения; люди не хотят умирать, им не хватает воли к смерти, когда час смерти уже наступил. Они обманывают самих себя и думают увильнуть от смерти; они обольщают себя надеждой, что жизнь будет продолжаться и по ту сторону могилы, и что разложение и полное уничтожение – удел только бессловесных тварей. Но, когда человек находится во власти Белой Логике, он понимает, что это самообман. Смерть равна для всех. Нет ничего нового под луной, даже этого мифа малодушных – бессмертия.

Он, стоящий твердо на ногах, знает, где источник этой утешительной идеи; он знает, что создан из плоти и костей, из солнечной энергии и космического праха, он – хрупкий механизм, которому дан в удел лишь один момент из вечности, и что, сколько бы ни заботились о нем доктора медицины и богословия, он все равно в конце концов будет брошен в яму.

Разумеется, все это душевная болезнь, отвращение к жизни. Человек, одаренный фантазией, платит дорогой ценой за свою дружбу с Ячменным Зерном. Человеку тупому гораздо легче: он только балдеет от алкоголя, теряет сознание и засыпает мертвецким сном, и сны, если они посещают его, нелепы и бессвязны. Но человек, одаренный полетом фантазии, подпадает под власть роковых силлогизмов Белой Логике. Он видит жизнь, какой видел ее немецкий философ-пессимист. Иллюзии для него прозрачны: он видит сквозь них. Переоценивая все

ценности, он добро называет злом, истину – ложью, а жизнь считает шуткой. Стоя на холодных вершинах безумия, он с уверенностью Бога утверждает, что жизнь – зло. При спокойном холодном свете Белой Логики жена, дети и друзья кажутся ему призраками, фикцией. Он замечает в них слабость, злобу и мелочность. Он не поддается на обман этих мелких, ничтожных эгоистов, живущих один час, как мельтешащие мотыльки. Они – несвободны, они – марионетки в руках случая. Таков же и он сам. Разница между ними только в том, что он это видит, знает это. Кроме того, он знает, что его свобода – только право добровольно умереть. Такое сознание не может принести пользы человеку, которому нужно жить, любить и быть любимым. Логическое следствие такого состояния – самоубийство – моментальное, от нажима курка, или медленное угасание, растянутое на несколько лет; вот чем расплачиваются друзья Ячменного Зерна за свою дружбу с ним, и никому не удастся увильнуть от этой расплаты.

Глава III

Впервые я напился, когда мне было пять лет. Это было летом. Отец мой пахал в поле, и меня послали из дому отнести ему кувшин с пивом. Когда я уходил, меня снабдили инструкцией: «Смотри же, не расплещи пиво».

Я очень хорошо помню этот кувшин, узкий снизу и широкий сверху и без крышки. Пока я шел, пиво плескалось и обливало мне ноги. Дорогой я думал: пиво стоит дорого, значит, оно очень вкусное, поэтому родители не дают мне его; я уже знал на опыте, что взрослые часто не дают мне того, что вкусно. Следовательно, пиво тоже вкусное, и старшим это известно. Кувшин переполнен, и пиво выливается зря. Какой в этом смысл? Не все ли равно, выпью я его или оно перельется через край? А о том, что я выпил, все равно никто не узнает.

Сначала мне попала в рот пена, но она мне не понравилась: должно быть, не пена играет в пиве главную роль. Тут я вспомнил, что взрослые всегда сначала сдувают пену; тогда я окунул лицо в кувшин и стал пить густую жидкость.

Пиво мне не понравилось, но я продолжал пить. Раз взрослые пьют, то должно же это быть вкусно. Я пил его, как пьют лекарство, с отвращением. Много ли я выпил, не знаю, но спустя некоторое время я встал и пошел дальше. Я чувствовал тошноту, но думал, что, очевидно, приятное ощущение появится после. Поле, на котором работал отец, находилось в полумиле от дома, и я не один раз еще присаживался и отпивал из кувшина. Увидев, что пива осталось немного, я стал мешать его палочкой, чтобы оно вспенилось. Действительно, на пиве появилась пена, и кувшин снова казался полным.

Отец не заметил моего обмана, с удовольствием выпил пиво и опять стал работать, как и подобает вспотевшему от жары работнику. Я пробовал пойти с ним, рядом с лошадьми, но покачнулся и упал. Отец натянул вожжи, и лошади едва не раздавили меня. Потом он рассказал мне, какой опасности я подвергался: мне чуть не распорол живот лемехом. Я как во сне помню, – отец на руках отнес меня и положил в кустарник, как все кружилось перед моими глазами, помню ощущение мучительной тошноты, смутное сознание какого-то нехорошего поступка.

Я проспал до вечера. Отец разбудил меня, и я с трудом побрел за ним домой. Все члены мои точно налились свинцом, а в желудке что-то переливалось и било в нос. Я чувствовал себя отравленным. Да, действительно, это и было отравление.

Время шло, и я думал теперь о пиве то же, что и о плите, о которую я однажды обжегся. Взрослые говорят правду, что пиво – не для маленьких. Взрослые не боятся его, но они не боятся и никаких лекарств – ни пилюль, ни касторового масла. Мне не нужно пиво. И я, разумеется, так и не пил бы никогда ни пива, ни вообще алкоголя в каком бы то ни было виде, если бы не обстоятельства. В том мире, где я жил, Джон Ячменное Зерно встречался мне на каждом шагу и дружески улыбался мне. Спасения от него не было. К нему вели все дороги. И все же понадобилось двадцать лет близкого общения с этим негодяем, чтобы я смог так сильно привязаться к нему.

Глава IV

Во второй раз я встретился с Ячменным Зерном, когда мне исполнилось семь лет. Причиной встречи был страх, а отнюдь не собственное желание. Наша семья жила в это время на новой, вновь приобретенной ферме, в округе Сан-Матео, на берегу унылого, печального залива к югу от Сан-Франциско. Это была дикая местность, с примитивными условиями жизни. Помню, мать с гордостью говорила о том, что мы – представители старинного американского рода, а не какие-нибудь там иммигранты, как наши соседи – итальянцы и ирландцы. В этой местности мы были единственными чистокровными американцами.

Однажды в воскресенье я очутился, не помню как и зачем, на ранчо у наших соседей, ирландцев Морриси. Там было много молодежи с соседних ферм, а также старики, пившие уже с утра, были и такие, что начали пить еще накануне. Морриси представляли собой многочисленную семью: там было много стройных молодцов – сыновей и племянников, в тяжелых сапогах, с огромными кулачищами и зычными голосами.

Вдруг девушки закричали:

– Дерутся! Дерутся!

Все засуетились; мужчины выбежали из кухни. Два полуседых великана, раскрасневшись, обхватив друг друга, топтались на месте.

Одного звали Черный Мэт. О нем говорили, будто он убил уже двух человек. Женщины ахали, кричали, в ужасе закрывали лицо руками, шептали молитвы, но не переставали сквозь сложенные пальцы смотреть на борющихся. Но, могу сказать, никто не следил за происходящим более внимательно, чем я: ведь мне предстояло увидеть поразительное зрелище – убийство человека! Во всяком случае, драку-то я увижу. Но я был страшно разочарован! Черный Мэт и Том Морриси только сжимали друг друга в объятиях и топтались на месте, топая огромными ногами, обутыми в неуклюжие сапоги: они напоминали танцующих слонов. Для драки они оба были слишком пьяны. Наконец их успокоили и увели в кухню, где они ознакомили восстановленную дружбу новой выпивкой.

Скоро в кухне стали раздаваться громкие голоса и смех. Так разговаривают и смеются люди со здоровыми легкими. Виски развязало языки молчаливым фермерам. Я встал на цыпочки и, преодолевая страх, который побуждал меня бежать прочь без оглядки, с любопытством заглянул в кухню, чтобы посмотреть, как ведут себя взрослые. Я очень удивился, увидев Черного Мэта и Тома Морриси: они обнялись, навалившись на стол, и обливались слезами.

Выпивка продолжалась своим чередом, и собравшиеся во дворе девушки стали все больше беспокоиться. Они знали, к чему ведет пьянство, и, предчувствуя неладное, хотели уйти пораньше подобра-поздорову, пока еще ничего не случилось; они собрались пойти за четыре мили на итальянскую ферму, где надеялись потанцевать.

Молодежь разбилась на пары, и каждый парень отправился со своей «дамой сердца» – семилетние мальчишки обычно бывают лучше всех осведомлены в амурных делах своих соседей. Мне тоже определили даму: маленькую ирландку, мою ровесницу. Мы были единственными детьми во всей этой компании. Впрочем, там не было никого старше двадцати, а девушкам – по четырнадцать – шестнадцать лет. Я и моя дама возбуждали у взрослых покровительственное отношение. Я вел ее под руку, а иногда даже брал за талию, как мне советовали старшие. Хотя так идти было неудобно, я все же испытывал гордость от сознания, что я тоже мужчина и что у меня есть «дама».

Итальянское ранчо было населено исключительно холостяками, и поэтому нам там очень обрадовались. Всем дали красного вина и моментально убрали столы из большой столовой, чтобы можно было танцевать. Молодые люди пили вино и танцевали под аккордеон.

Музыка казалась мне божественной: я еще никогда не слышал лучшей. Молодой итальянец, игравший на аккордеоне, и сам иногда пускался в пляс, при этом не переставая держать аккордеон в руках, за спиной своей девушки. Я не принимал участия в танцах, но не виданное мной никогда зрелище доставляло мне истинное наслаждение. После танцев ирландцы тоже стали пить. Шум и веселье не прекращались. Некоторые из танцоров пошатывались, падали на пол, а один даже заснул в уголке.

Некоторые девушки выражали недовольство и порывались уйти, другие же стали еще веселее прежнего, хохотали и, кажется, ждали, чтобы что-нибудь случилось.

Хозяева-итальянцы предложили вина и мне, но я отказался. Я еще слишком хорошо помнил опыт с пивом, чтобы у меня появилось желание повторить это с вином. Но тут один молодой итальянец, видя, что я сижу в одиночестве, из озорства налил полстакана вина и протянул его мне. Я опять отказался. Он нахмурился и, сердито глядя на меня, протянул мне стакан. Я страшно испугался. Сейчас я объясню вам причину моего страха.

Дело в том, что у моей матери были кое-какие теории: к их числу относилась и та, что все черноволосые и черноглазые люди коварны. Нет нужды объяснять, что сама она была блондинкой. Кроме того, она считала, что черноглазые латинские народы очень легко возбуждаются, очень вероломны и что для них убить человека ничего не стоит. Я еще смотрел на мир ее глазами, а она часто рассказывала, что если итальянца обидеть, даже нечаянно, то он всадит вам нож в спину. Это буквальные ее слова: «нож в спину».

Еще утром я сгорал от желания увидеть, как Черный Мэт убьет Тома Моррисси, но теперь я был далек от желания доставить удовольствие танцорам, которые увидели бы меня с ножом, торчащим из моей спины. В ту пору я не знал еще разницы между теорией и практикой, и мнение моей матери об итальянцах было для меня свято. Да и сам я кое-что слышал о законах гостеприимства, которые нельзя нарушать. Вспыльчивый и жестокий итальянец гостеприимно угощал меня вином. Ясно, что, если я не приму его угощения, он обидится и всадит в меня нож, как лошадь непременно лягнет копытом, если подойти к ней сзади. Глаза у этого итальянца (его звали Питер) были именно такие страшные и черные, как их описывала моя мать; у нас в семье глаза у всех были серые или голубые, а у ирландцев, которых я знал, – бледные и добродушные. Питер, по-видимому, выпил порядочно: глаза его сверкали черным коварством. В них была тайна, неизвестность, а мне было только семь лет, и разве я мог постигнуть их жуткие намерения? Я увидел в них смерть и отклонил предложенное мне вино со страхом. В глазах итальянца появилось выражение суровой повелительности. Он ближе придвинул ко мне стакан. Что мне оставалось делать? Не раз потом в своей жизни я действительно смотрел смерти в глаза, но ничто не может сравниться с тем смертельным ужасом, какой я испытывал тогда. Я поднес стакан к губам, и лицо у Питера прояснилось. Я обрадовался: значит, он меня не убьет. Это меня обрадовало, но вино-то было нехорошее, кислое молодое вино, на вкус куда хуже пива. Очевидно, оно было приготовлено из какого-то бросового винограда. Если надо выпить противное на вкус лекарство, самое лучшее – это выпить его сразу. Я так же поступил с вином: запрокинул голову и выпил его залпом. Мне показалось, что огонь обжег мои внутренности, и мне стоило больших усилий, чтобы вино не вылилось назад.

Только теперь, вспоминая этот случай, я в состоянии уяснить себе, почему это так поразило Питера. Он налил мне еще вина и пододвинул ко мне стакан через стол. Полный смертельного ужаса, я выпил одним духом и эту порцию. Питер остолбенел. Что за чудо! Надо показать другим этого удивительного ребенка. Он подозвал другого итальянца, молодого усаха, которого звали Доминико. Они мне налили полный стакан. Чего не сделаешь, чтобы избежать смерти? Я с чрезвычайными усилиями подавил естественное сопротивление моего желудка и выпил отвратительный напиток.

Доминико еще никогда в жизни не встречал такого героя-ребенка. Он два раза подносил мне полный до краев стакан и с любопытством смотрел, как я опустошаю его. Другие также

были привлечены этим зрелищем. Вокруг стола столпилась кучка итальянцев средних лет, которые не танцевали и не умели говорить по-английски с ирландскими девушками. Это были смуглые люди, самого свирепого вида, в красных рубашках, с широкими поясами. Я слышал, что все они носят большие ножи. Они столпились вокруг меня, похожие на шайку разбойников, а Питер и Доминико демонстрировали перед ними мои недюжинные способности.

Ничего этого не случилось бы, будь я немного глупее и будь я менее одарен фантазией, или будь я чуточку поупрямее. Молодежь, пришедшая со мной, танцевала, и никто не мог вступить за меня. Я не знаю, какое количество вина было выпито мной в этот день. В воспоминаниях мне представляется, что я стою среди скопища убийц и, дрожа от страха, опоражниваю бесчисленное количество стаканов с огненной жидкостью. Мне казалось тогда, что вино, какой бы оно ни было дрянью, все же меньшее зло, чем нож, а я хотел жить во что бы то ни стало.

Теперь, удрученный опытом, я в состоянии объяснить, почему не лишился тогда сознания и не упал на стол. Я сказал уже, что страх сковал и парализовал меня. Я был способен только механически подносить ко рту стакан с вином. От страха меня не могло вырвать, так как и внутренности мои были парализованы страхом. Понятно, почему итальянцы изумлялись при виде мальчика-феномена, который пропускает в себя стакан за стаканом с невозмутимостью автомата.

Смело могу сказать, не хвастаясь, что подобного зрелища им еще не приходилось видеть.

Пора было уходить домой. Молодые люди стали выделять такие курбеты, что девушки поскромнее решили, что лучше уйти. В дверях я столкнулся со своей «дамой», которая была совсем трезвой. Ее забавляло, как мужчины покачивались. Стараясь идти рядом с девушками, она начала подражать их движениям, мне это тоже понравилось, и я последовал ее примеру. Но как только я стал двигаться, пары алкоголя тоже пришли в движение и ударили мне в голову. Я с самого начала вышагивал правдоподобнее ее. Через несколько минут я сам стал себе удивляться. Какой-то парень, пошатываясь, подошел к канаве, постоял около нее с серьезным и задумчивым видом, покачнулся и упал в нее. Это меня очень рассмешило. Следуя его примеру, я тоже подошел к краю канавы. Дальнейшее у меня заволакивается туманом. Помню только, что девушки вытащили меня из канавы, и при этом лица у них были встревоженные.

Потом мне уж не хотелось изображать пьяницу, и веселье мое пропало. Глаза мои заволокло туманом, мне не хватало воздуха, и я, широко открыв рот, старался вздохнуть как можно глубже. Девушки держали меня, но ноги у меня отяжелели. Алкоголь сжимал мое сердце и бил по моим мозгам точно дубиной. Очевидно, у меня был очень здоровый организм; иначе, вне всякого сомнения, я умер бы от количества выпитого мною вина.

Во всяком случае, я знаю теперь, что был тогда ближе к смерти, чем это представляли себе испуганные девушки. Я слышал, как они обвиняли друг друга; некоторые из них плакали – то ли из-за себя, то ли из-за меня, то ли из-за недостойного поведения своих парней. Но меня это не интересовало. Я задыхался, мне не хватало воздуха. Двигаться было мучительно, и все же девушки настаивали на том, чтобы я шел, а до дома было четыре мили. Четыре мили! Я помню, что мои затуманенные глаза видели маленький мостик через дорогу; мне казалось, что это страшно далеко, а на самом деле до него было всего сто шагов. Когда мы дошли до моста, я упал и лежал на спине задыхаясь. Девушки пробовали поднять меня, но я лежал пластом. Их тревожные крики привлекли внимание пьяного семнадцатилетнего Ларри: он попытался привести меня в чувство и для этого начал прыгать у меня на груди. Как в тумане, я помню это и крики девушек, когда они прогоняли его. Потом я уже ничего не помню, но впоследствии я узнал, что Ларри свалился под мост и там переночевал.

Когда я пришел в себя, было темно. Меня принесли домой в бессознательном состоянии и уложили в постель. Я заболел белой горячкой. Все ужасы, хранившиеся в моем детском мозгу, воплотились в мучительные кошмары. Я видел убийства, я спасался от убийц. Я кричал и дрался с ними. Страдания мои были ужасны. Приходя в сознание после припадков горячки,

я слышал голос матери: «Бедный мальчик, он сойдет с ума». Впадая опять в беспамятство, я подхватывал эту идею и видел себя в сумасшедшем доме, где меня били служители и с воплем окружали сумасшедшие.

На мое воображение сильно действовали рассказы старших о притонах в китайском квартале Сан-Франциско. В бреду я блуждал в подземельях этих притонов и там, за железными дверьми, мучился и тысячу раз умирал.

И когда я находил своего отца, сидевшего за столом в обществе китайцев и игравшего с ними в карты на целые кучи золота, я изливал свое негодование в потоках самых диких ругательств. Я поднимался с постели, отталкивал удерживавшие меня руки и осыпал отца отчаянной руганью; вся невозможная грязь, которая вползает в детский ум, которую он слышит от взрослых в условиях примитивной деревенской жизни, впиталась в меня. И хотя я никогда не осмеливался произносить вслух эти ругательства, теперь они изливались из меня целым потоком, я проклинал отца, который сидел в подземелье и играл в карты с длинноволосыми китайцами с кривыми когтями.

До сих пор я не могу понять, как организм семилетнего ребенка смог вынести напряжение этой ночи, как у меня не разорвалось сердце, не лопнули мозги. Как мои семилетние артерии и нервные центры выдержали эти ужасные пароксизмы, потрясавшие меня.

В доме никто не ложился спать в эту ночь. Парень, который ночевал под мостом, наверное, не бредил так и не видел таких кошмаров. По всей вероятности, он только спал тяжелым сном, а утром почувствовал, что члены его одеревенели и что на душе у него кисло. Теперь он, если жив, вряд ли помнит об этой ночи. Это был для него лишь отдельный случай. Я же помню во всех подробностях, несмотря на то что это случилось тридцать лет назад, все пережитые мною мучения.

Я долго болел и после всего этого трепетал бы перед Ячменным Зерном и боялся бы его, как огня, если бы даже мать не наставляла меня. Матери моей этот случай доставил много огорчения; она постоянно бранила меня и говорила, что я поступил плохо, что я забыл все ее поучения. Возражать родителям в мое время не полагалось, да и как сумел бы я объяснить мою психологию и раскрыть ей причины моего поведения, ведь именно ее наставления виноваты в том, что произошло. Если бы она не научила меня бояться итальянцев, я и не подумал бы пить их отвратительное пойло. Впоследствии, уже будучи взрослым, я объяснил ей, в чем было дело.

Когда я лежал еще в постели, но уже стал приходить в себя, во мне боролись различные чувства. Я чувствовал, что совершил какой-то плохой поступок, но в то же время понимал, хотя и смутно, что ко мне тоже были несправедливы. Ясно для меня было одно: больше никогда в рот не возьму ни капли спиртного. Собака, страдающая водобоязнью, не боится воды так, как я тогда боялся алкоголя.

Но и этот ужасный опыт не помешал мне все-таки войти впоследствии в дружеские отношения с Ячменным Зерном. Все окружающее толкало меня к нему. Начать с того, что все взрослые, кроме матери, которая всегда была строга и прямолинейна, относились к случаю со мной, как к забавному приключению, и не видели в нем ничего позорного для меня. Молодежь – парни и девушки – тоже рассказывали об этом со смехом и смеясь вспоминали, как Ларри вскочил мне на грудь и как он свалился потом под мост; вспоминали различные эпизоды, как один парень переночевал где-то на песке, а другой – в канаве. Это не считалось позорным; напротив, в этом видели известное молодецество, а весь случай представлялся ярким эпизодом в однообразной трудовой жизни нашей скучной, постоянно покрытой туманом местности.

Ирландцы хлопали меня по плечу, вспоминая этот случай, а Питер, Доминико и другие итальянцы восхваляли мою выносливость; в конце концов я начал чувствовать себя каким-то героем. Пьянство вообще не считалось чем-то позорным. Пили все, и во всей местности не было ни одного абсолютного трезвенника. Даже у нашего школьного седоватого учителя,

лет пятидесяти, бывали случаи, когда он, поборовшись с Ячменным Зерном и потерпев поражение, не приходил на другой день в школу. Поэтому мое воздержание от алкоголя имело в своей основе не соображения морального свойства, а чисто физиологические причины: я просто-напросто не любил его.

Глава V

Физическое отвращение к алкоголю стало моей характерной особенностью в течение всей жизни; в конце концов мне всегда удавалось преодолевать его, но мне и в настоящее время приходится бороться с этим отвращением. Мне не нравится вкус алкоголя, а к вкусу нужно относиться с доверием, так как он-то знает, что полезно и что вредно для организма. Но люди ценят в алкоголе не то, что он дает организму, а то, что он дает мозгу; если при этом организм страдает, то с этим уж ничего не поделаешь.

Хотя я и питаю отвращение к алкоголю, все же с кабаком у меня связаны воспоминания о самых приятных переживаниях моего детства. Помню, как я ехал в телеге с картофелем: ноги мои одеревенели от долгого сидения в неудобном положении, лошади тяжело ступали по длинной песчаной дороге; мне было скучно, и я с удовольствием представлял себе, как мы остановимся у кабака в Колме, отца там ждет выпивка, а меня – сладкий коржик... только один коржик, – но это было для меня непривычное лакомство. Славная вещь – кабак! Дорогой я буду грызть коржик и растяну это удовольствие на целый час. Я откусываю по маленькому кусочку, стараясь при этом не уронить ни одной крошки, и долгое время жую его, пока он не превратится у меня во рту в жидкую сладкую кашицу; я перегоняю ее языком то в одну сторону рта, то в другую, смазываю языком внутренние стороны щек, пока она, наконец, не попадает как-то незаметно в горло, без малейших усилий с моей стороны.

Мне очень нравились кабаки, в особенности в Сан-Франциско. Там были очень вкусные вещи, которые можно было брать, не платя за них, – какой-то необыкновенный хлеб, вкусные сухарики, колбаса, сыр и сардинки – деликатесы, совершенно незнакомые в скудном деревенском обиходе. В одном кабаке, помнится, буфетчик поднес мне стакан сладкого сиропа с содовой водой. Денег с отца он за это не взял, он просто оказал ему любезность, и с этих пор я стал считать этого буфетчика самым добрым человеком в мире. Я был тогда семилетним ребенком, и больше я никогда не встречался с ним; но он, как живой, стоит у меня перед глазами; кабак помещался на южной стороне Рыночной улицы в Сан-Франциско. Налево от двери была стойка, вдоль правой стены стоял длинный стол с бесплатными закусками, а напротив двери стояли за пивными бочками круглые столы со стульями. У буфетчика были светлые волосы и голубые глаза; на нем была черная шелковая ермолка и коричневая вязаная куртка. Я точно помню даже место, где стояла бутылка с красным сиропом, которым он угостил меня. Он вел бесконечные разговоры с моим отцом, а я в это время пил, глоток за глотком, вкусный напиток и благоговел перед ним. Много лет спустя я вспоминал о нем с чувством самой искренней симпатии.

Итак, несмотря на то, что две первые мои встречи с Джоном Ячменное Зерно принесли мне только страдания, я не переставал встречаться с ним, и он всегда одаривал меня приветливой улыбкой. С кабаками мне пришлось познакомиться с самого раннего детства, и я узнал их с самой хорошей стороны. Общественные учреждения, магазины и дома частных лиц были для меня недоступны – они не предлагали мне войти и обогреться, отведать пищи богов с узкой полки вдоль стены. Их двери были всегда закрыты, тогда как кабаки гостеприимно раскрывались передо мной. На широких, оживленных улицах города и на больших проезжих дорогах – везде мне попадались в изобилии кабаки, гостеприимно сверкавшие яркими огнями. Зимой в них было тепло, а летом – прохладно. Славное место кабак, что и говорить!

Когда мне исполнилось десять лет, родители мои решили покончить с земледелием и переселиться в город. Я начал торговать газетами. Были две очень важные причины, заставившие меня приняться за эту работу: нужда в деньгах, во-первых, и потребность в движении и свежем воздухе – во-вторых. Я отыскал в городе бесплатную библиотеку и стал читать запоем, так что у меня развилось малокровие. На нашей ферме книг не было, но случайно мне

попались в руки четыре книги, которые я перечитывал без конца. Это биография президента Гарфилда, «Путешествие в Африку» Поля де Шейю, какой-то роман Уйда, в котором были вырваны последние сорок страниц, и наконец «Альгамбра» Ирвинга, которую дал мне почитать школьный учитель. Робость помешала мне попросить у него еще что-нибудь почитать, когда я вернул «Альгамбру», а сам он не догадался это сделать. По дороге домой я горько плакал, а дорога была дальняя – три мили. Долгое время я втайне надеялся, что он все-таки даст мне еще какую-нибудь книгу, несколько раз собирался с духом, чтобы заговорить об этом, но так и не набрался смелости.

А когда мы переехали в Окленд, я открыл на библиотечных полках целый мир, новый, интересный. Тут были тысячи книг, и все они были не только не хуже прочитанных мною, но некоторые даже гораздо интереснее. Библиотеки в ту пору еще не были рассчитаны на юных читателей, и поэтому я часто попадал впросак.

Один раз, прельстившись названием «Приключения Перигрина Пикля», я написал его на требовании, и библиотекарь выдал мне толстый том совершенно неудобоваримого полного собрания сочинений Смоллета. Я читал без разбора, но больше всего любил исторические романы и книги о приключениях, в особенности же зачитывался воспоминаниями разных путешественников. Читал я от зари до зари, лежа в постели и сидя за столом, по дороге в школу и по дороге домой, читал на переменах, когда остальные дети занимались играми. Кончилось тем, что у меня началось сильное нервное расстройство и появились нервные подергивания. Я говорил всем: «Уходите, вы раздражаете меня».

Итак, с десяти лет я очутился на улице в качестве продавца газет. Для чтения теперь оставалось мало времени: надо было дело делать, а свободное время уходило на упражнения в боксе и на драки с мальчишками. Меня интересовало все, что могло развить меня пластически. Кабаки по-прежнему привлекали меня, и я любил продавать там газеты. Кабаки на ближних улицах все были мне знакомы. В одном квартале, с правой стороны Бродвея, между Шестой и Седьмой улицами, от одного угла до другого тянулся целый ряд кабаков.

Жизнь в кабаках носит особый характер. Там говорят громко, не стесняясь, смеются тоже громко, и все там с большим размахом. Эта жизнь не похожа на скучную повседневность, лишенную каких бы то ни было событий. Здесь жизнь полна захватывающего интереса, подчас даже чересчур захватывающего, когда пускаются в ход кулаки, льется кровь и появляются полицейские. В то время моя голова была набита описаниями самых невероятных происшествий на суше и на море, героических сражений, всяких кровавых столкновений, и понятно поэтому, что такие зрелища привлекали мое внимание.

Продавать газеты – дело скучное, но зрелище, которое предлагал мне кабак – в виде мертвеца напившегося человека, развалившегося на столе, – наполняло мою душу восторгом и удивлением.

Кроме того, кабаки имели полное право на существование. Существование их было санкционировано отцами города. Некоторые мальчишки называли кабак страшным местом, но это потому, что они не имели о них никакого представления. Пожалуй, кабак можно назвать страшным, то есть, иначе говоря, он страшно интересен, а все страшное обладает неотразимой притягательной силой. Нам внушают страх кораблекрушения, войны и морские разбойники. Но скажите, пожалуйста, разве любой мальчик, у которого «в здоровом теле здоровый дух», не пожелает всей силой своей души испытать такие приключения?

В кабаках я встречался с редакторами и сотрудниками газет, с судьями и адвокатами, которых я знал в лицо и по фамилиям. Их присутствие подтверждало законность существования кабака. Это утверждало меня в привязанности к кабаку, если уж такие люди посещают его, значит, в нем есть нечто действительно хорошее, не зря же они липнут к кабаку, как мухи к меду. Мир тогда был для меня безмятежен и светел, я еще не знал горя, поэтому не понимал,

как люди ищут и находят в кабаке забвение от горя и отдых от монотонной работы и постылых забот.

Сам я редко пил в это время. В промежутки между десятью и пятнадцатью годами я всего несколько раз приложился к рюмочке, хотя я много времени проводил в кабаках среди пьяниц. Не пил я потому, что мне не нравился вкус алкоголя. В течение этого времени я перепробовал несколько профессий – развозил лед, был мальчиком при кегельбане и подметал полы на загородных танцульках.

Целый год я носил газету в один кабак на углу Телеграф-авеню и 39-й улицы. Хозяйкой его была веселая и добродушная женщина по имени Джози Харпер. Когда в конце месяца Джози Харпер расплачивалась со мной за газету, она предложила мне стакан вина. Отказаться было неудобно, пришлось выпить, но после этого случая я старался прийти за деньгами в то время, когда за стойкой вместо хозяйки сидел ее помощник.

Когда я поступил на работу при кегельбане, хозяин этого заведения, по обычаю, подозвал нас, мальчиков, к стойке и предложил каждому заказать себе, что он хочет. Все спросили пива, а я заказал себе джинджер¹. Мальчики засмеялись, а буфетчик недоверчиво взглянул на меня, но все же открыл бутылку джинджера. Потом, когда мы вернулись к работе, мальчики объяснили мне, что хозяин рассердился на меня: бутылка джинджера стоит дороже, чем кружка пива, и поэтому мне, если я хочу продолжать работать, придется пить пиво. Да пиво и сытнее, чем джинджер, и после него куда легче потом работать. Волей-неволей мне пришлось с этих пор пить пиво, но я никак не мог понять, почему оно нравится людям. Мне всегда казалось, что в нем чего-то не хватает.

Действительно, в ту пору своей жизни я любил только сладкое. На пять центов можно было купить пять так называемых «пушечных ядер» – пять вкусных больших конфет, которые можно было сосать целый час. Кроме того, здесь был мексиканец, который продавал большие коричневые тянучки – целый такой кирпич стоил тоже пять центов. С такой тянучкой, чтобы ее съесть, надо было промучиться не менее трех часов. Много раз такая тянучка служила мне обедом. Вот это, действительно, была питательная вещь, не то что пиво.

¹ Имбирный напиток вроде кваса (Здесь и далее примеч. перев.).

Глава VI

Наступил момент, когда мне еще раз пришлось помериться силами с Ячменным Зерном. В четырнадцатилетнем возрасте, когда я бредил всякими приключениями и морскими путешествиями и мечтал о таинственных островах тропических стран, я приобрел себе маленькую парусную лодку, в которой катался по Оклендскому лиману и по заливу Сан-Франциско. Мне хотелось отправиться в далекое плавание, уйти от пошлого однообразия моей жизни. Я был в ту пору молодым дикарем, цветущим юношей, с наклонностями к романтике и приключениям, и я хотел жить свободной и вольной жизнью в мире смелых и свободных людей. В то время я далек был от мысли, что алкоголь в этой жизни играет такую видную роль.

Как-то раз, когда я намеревался поднять парус на своей лодке, ко мне подошел парень лет семнадцати. Он сказал, что его зовут Скотти, что он бежал в Австралии с какого-то английского корабля, добрался на другом корабле в Сан-Франциско и теперь хочет поступить на какое-нибудь китобойное судно. По ту сторону бухты, среди китобойных судов, стоит на якоре яхта «Айдлер», на ней служит сторожем гарпунщик с китобойного судна «Бонанза». Может быть, я перевезу его на эту яхту, чтобы он мог переговорить с матросом?

Не перевезу ли я его? Я столько слышал про эту яхту «Айдлер», которая возила контрабандой опиум на Сандвичевы острова. А гарпунщик, стороживший ее, всегда возбуждал во мне острое чувство зависти: шутка ли, он может не уходить домой, он все дни проводит на «Айдлере». А я должен был каждый вечер возвращаться на сушу. Несмотря на то, что ему было только девятнадцать лет, он казался мне героем. Когда я проплывал мимо его яхты, он ни разу даже не взглянул на меня. Значит, мне нужно перевезти беглого матроса Скотти на яхту «Айдлер», занимавшуюся контрабандой? Разумеется, перевезу!

На яхте слышали наши крики. На палубу вышел гарпунщик и пригласил нас на судно. Когда мы приставали к судну, я захотел показать, что я опытный моряк, и постарался, чтобы лодка не оцарапала белую окраску яхты; потом я прикрепил ее длинной веревкой к борту, и мы спустились вниз. Тут я впервые увидел внутренность судна. На одной стене каюты висела одежда, издававшая не слишком приятный запах. Ну и что? Разве это не было настоящее матросское обмундирование: кожаные куртки, подбитые вельветином, синие куртки из так называемого лоцманского сукна, зюйдвестки, высокие сапоги и непромокаемые плащи. С первого раза бросалось в глаза, что все здесь сводилось, главным образом, к тому, чтобы занять как можно меньше места: койки узенькие, столы складные, шкафчики невероятно маленькие. На медных кольцах висели лампа и компас. В углу лежали небрежно сложенные карты, к стене был приколот циркулем календарь, в другом месте висели сигнальные флаги в алфавитном порядке. Наконец-то я увидел настоящую жизнь. Я сидел как равный между гарпунщиком и английским беглым матросом.

Оба юнца – гарпунщик и беглый матрос – захотели показать, что они взрослые мужчины. Хозяин заметил, что не худо бы выпить, а Скотти выудил из кармана несколько серебряных и никелевых монет и бросил их на стол. Гарпунщик ушел с пустой бутылкой в какой-то притон (легальных кабаков в окрестностях не было) и через несколько времени вернулся с этой же бутылкой, наполненной дешевым виски; мы начали пить его прямо из стаканов. Неужели я ударю в грязь лицом перед матросом и гарпунщиком? По тому, как они пьют, сразу видно, что это взрослые мужчины. И я старался не отставать от них, поглощая скверное виски, хотя, по совести, я никогда не променял бы на него замечательную тянучку или чудное «пушечное ядро». Каждый глоток вызывал у меня судорогу, но я стойко переносил это и скрывал свое отвращение.

Пока наступил вечер, нам удалось принести с берега не одну бутылку виски. В кармане у меня было только двадцать центов, но я истратил их все, хотя и не без внутреннего сожаления:

ведь на эти деньги можно было купить столько конфет! Алкогольные пары стали туманить нам головы. Скотти с гарпунщиком говорили о мысе Горн, об ураганах, свирепствующих в устье Ла-Платы, о муссонах, тайфунах и о приключениях китобойных судов во льдах.

– В ледяной воде нет никакой возможности плыть, – сказал гарпунщик. – Человека моментально сведет судорога, и он идет ко дну. Если кит опрокидывает лодку, то единственное спасение в том, чтобы лечь поперек весла, и тогда не потонешь, когда холод скрючит тебя пополам.

– Разумеется, – вторил я таким тоном, что ни у кого не могло возникнуть сомнения в том, что я буду заниматься ловлей китов в Ледовитом океане и плавать на весле.

Совет китобоя я помню по сей день.

Сначала я не вступал в разговор: я был мальчишкой, и мне еще не приходилось плавать в океане. Я только молча слушал, что говорят испытанные морские волки, и старался не отставать от них в выпивке. Но хмель давал себя знать. Речи Скотти и гарпунщика действовали на меня, как порывы свежего ветра, и я перенесся в воображении в дикий, безумный мир бесконечных приключений.

Мы разошлись. Наша сдержанность и молчаливость исчезли. Мы начали испытывать друг к другу чувство самой горячей симпатии и торжественно поклялись отныне плавать только вместе. Гарпунщик без всякого хвастовства поведал нам о многих своих неудачах; Скотти заплакал при воспоминании о своей старушке-матери, жившей в Эдинбурге; он говорил, что она принадлежит к знатному, но обедневшему роду. Она, во всем отказывая себе, скопила нужную сумму для уплаты за обучение его на корабле, обольщая себя надеждой, что когда-нибудь он дослужится до капитана, а теперь ей придется разочароваться, когда она узнает, что ее сын – дезертир и что ему пришлось служить на другом судне простым матросом...

В подтверждение своих слов Скотти вытащил из кармана письмо и начал проливать над ним горькие слезы; мы тоже прослезились и поклялись, заработав деньги на китобойном судне «Бонанза», отправиться всем вместе в Эдинбург и отдать доброй старушке весь наш заработок.

Ячменное Зерно помог мне преодолеть мою застенчивость и молчаливость, и я стал рассказывать своим новым знакомым о моих приключениях в заливе Сан-Франциско; как я выходил в своей крошечной лодчонке во время свирепого урагана, когда даже большие суда не решались пускаться в плавание. После этого я, или, точнее, воплотившийся в меня Джон Ячменное Зерно, расхвастался перед Скотти, что он, может быть, и хороший матрос, но в управлении парусной лодкой я могу дать ему сто очков вперед.

Это не было враньем: я на самом деле умел хорошо управлять парусной лодкой. Но, не вселись в меня Джон Ячменное Зерно, я ни за что бы так не расхвастался.

Скотти, в котором тоже бурлил хмель, понятно, счел себя обиженным. Но я этого не испугался. Уж если пошло на то, так я поколочу любого матроса-дезертира, хотя ему и все семнадцать лет. Мы вскочили на ноги, как готовые к бою петухи, но гарпунщик примирил нас, налив еще по стакану, и мы моментально остыли и помирились, и снова душили друг друга в объятиях и клялись быть друзьями, как это делали Черный Мэт с Томом Моррисси на ранчо в Сан-Матео. Воспоминание о них убедило меня окончательно в том, что я совсем взрослый мужчина, хотя мне всего четырнадцать лет.

Попойка закончилась пением матросских песен. Пели Скотти и гарпунщик, а я подтягивал. Тут, в каюте «Айдлера», я впервые услышал: «Ветер валит с ног», «Облака» и «Виски, Джонни, виски!». Я блаженствовал. Да, вот она настоящая жизнь. Не то что скучные будни в Оклендском лимане, глупая разноска газет, развозка льда и расстановка кеглей. Мне был доступен весь огромный мир, передо мной открылись все дороги, и Ячменное Зерно, разнуздав мою фантазию, рисовал передо мною в заманчивой перспективе все приключения, которые

мне суждено было пережить. Мы оставили позади будничное и чувствовали себя мудрыми, сильными и великодушными, как юные боги.

По прошествии нескольких лет я скажу вполне искренне, что, будь Ячменное Зерно способен удерживать человека надолго в таком приподнятом состоянии, я не был бы трезвым в жизни ни одной минуты. Но в этом мире за все надо платить: за душевный взлет мы расплачиваемся упадком духа, за возвышение – падением, за кажущееся величие – унижением и стыдом, за моменты, когда чувствуешь себя богом, – моментами, в которые чувствуешь себя рептилией. Когда мы хотим сжать дни и недели скучной прозы в миг поднимающей дух поэзии, нам приходится платить за это с лихвой.

Интенсивность и длительность – такие же непримиримые враги, как вода и огонь. Они взаимно уничтожаются. Могучий волшебник Джон Ячменное Зерно так же подчинен законам органической химии, как и мы, простые смертные. Мы расплачиваемся за каждую марафонскую победу нашей нервной системы, и Ячменное Зерно не имеет такой власти, чтобы освободить нас от расплаты. Он может подарить вам минуту подъема, но продлить ее не в его власти; если бы это было иначе, ему молились бы все. За эти вспышки подъема нам приходится расплачиваться дорогой ценой.

Впрочем, до всего этого я додумался позднее. Эти мысли были чужды четырнадцатилетнему мальчишке, который сидел в каюте «Айдлера» с храбрым гарпунщиком и беглым матросом, вдыхая острый запах матросской одежды, издававшей разнообразные морские ароматы, и орал во все горло матросские песни.

У меня был здоровый организм и желудок страуса, способный переваривать камни. Поэтому я держался еще молодцом, когда Скотти начал сдавать. Язык его заплетался, он не находил нужных слов, вместо них издавал какие-то нечленораздельные звуки. Сознание его заволокло туманом, глаза его стали мутными, а взгляд приобрел бессмысленное выражение. Мышцы его тоже более не повиновались мозгу. Он хотел выпить еще, но стакан выпал у него из рук. Потом я с удивлением увидел, как Скотти, заплакав, кое-как дошел до койки и упал на нее как труп. Через минуту в каюте раздался его громкий храп.

Мы с гарпунщиком все еще пили и посмеивались над беднягой Скотти. Прислушиваясь к храпу менее выносливого собутыльника, мы выпили еще бутылку. Затем очередь свалиться на койку дошла и до гарпунщика, так что я почувствовал себя чемпионом мира.

Меня, или правильнее – Джона Ячменное Зерно распирало от гордости. Я чувствовал себя молодцом. Только что я пил в компании со взрослыми опытными мужчинами и оказался выносливее их. Я твердо стою на ногах, в то время как они валяются на койках. Я вышел на палубу, чтобы освежить воздухом свои воспаленные легкие. После этого случая я убедился в том, что обладаю крепкой головой и здоровым желудком. В то время я очень гордился этими качествами, но позднее я изменил свой взгляд на диаметрально противоположный. Какое счастье не быть в состоянии выпить больше двух рюмок и пьянеть от них до того, как больше уже вино не пойдет в глотку! Гораздо хуже, когда человек способен выпить несколько стаканов и быть, что называется, «ни в одном глазу», когда приходится пить и пить, чтобы получить, наконец, закономерный удар хлыстом.

Солнце уже садилось, когда я вышел на палубу. Я мог бы остаться на ночь на яхте, коек хватило бы на всех. Но я хотел вести себя, как настоящий мужчина. Тут стояла моя шлюпка. Ветер крепчал, появились белые барашки, и у выхода из бухты были ясно видны струи отлива. Я спустился в лодку, поднял парус, сел у руля и двинулся. Лодку швыряло из стороны в сторону, как щепку, волны окатывали меня с головы до ног, но я был сильно возбужден и распевал песни. В этот момент я не был четырнадцатилетним мальчиком, ведущим сонную жизнь в городе Окленде. Я был мужчиной, богом, и мне были подвластны стихии. Отлив обнажил то место около лодочной пристани, которое раньше было покрыто водой; теперь оно представляло покрытое тиной пространство, приблизительно ярдов в сто.

Я спустил парус и начал отталкиваться веслом. Но тут я убедился, что мои мышцы повинуются теперь воле Джона Ячменное Зерно, а не моей. Потеряв равновесие, я упал головой вниз, прямо в тину и, задев за какой-то железный предмет, поранил себе руку. С трудом поднявшись на ноги, бессмысленно озираясь кругом, я понял, что на самом деле пьян. Э, что за беда! На той стороне бухты я оставил двух сильных, опытных моряков в бесчувственном состоянии, а я выпил не меньше их и все еще стою на ногах. Я решил дойти до берега пешком; я пошел, толкая впереди себя лодку и горланя во все горло песни.

Разумеется, расплата не заставила себя долго ждать. Пару дней я был болен, порез на руке стал гноиться. С неделю я чувствовал боль в ней и с трудом мог одеваться и раздеваться. Я дал себе слово, что такое больше не повторится. Овчинка не стоит выделки. Слишком дорого приходится платить за удовольствие. За короткий миг интенсивной жизни не стоит расплачиваться длительным периодом пессимизма и тяжелых физических страданий.

Когда я возобновил плавание в своей лодке, я старался держаться подальше от «Айдлера». Скотти я потерял из виду, а гарпунщик хотя и оставался по-прежнему на яхте, но я избегал его. Мне казалось, что он опять может соблазнить меня выпивкой, вынув из кармана фляжку с виски.

Но Ячменное Зерно обладает могущественным обаянием: попойка на «Айдлере» вспоминалась мне как один из самых ярких моментов в моей скучной, монотонной жизни, и я охотно перебирал в памяти все ее подробности. Я приобрел много новых и интересных сведений, например, о жизни Скотти и его матери, услышал интересные рассказы гарпунщика о приключениях, которые приводили меня в изумление. Передо мною открылся новый мир, новые перспективы, которые казались мне доступными не менее, чем моим собутыльникам. Мне удалось увидеть обнаженной человеческую душу, в том числе и мою собственную, и я обнаружил и оценил ее богатые возможности.

Я до сих пор хорошо помню этот эпизод, яркое пятно в моей монотонной жизни в Оклэндской гавани. Я всегда вспоминал о нем с удовольствием, но мне пришлось слишком дорого заплатить за него, и я не желал его повторения. Я снова начал находить прелесть в «пушечных ядрах» и в мексиканских тянучках. Это лишний раз подтверждает, что у меня вполне здоровый и нормальный организм, абсолютно враждебный алкоголю.

Я не только не любил алкоголя – он был мне противен. И тем не менее, все складывалось как-то так, что я систематически все ближе и ближе знакомился с Ячменным Зерном, так что мне, в конце концов, пришлось радикально переменить свои взгляды и превознести его как своего лучшего друга и покровителя. Я не люблю его и теперь, он по-прежнему ничего не вызывает во мне, кроме отвращения, но все-таки он мой друг... Станный друг, разумеется...

Глава VII

Едва мне минуло пятнадцать лет, я поступил на консервную фабрику. В течение нескольких месяцев я работал не менее десяти часов в сутки. Если к десяти часам работы у машины прибавить час на обед, время на ходьбу из дому на фабрику и с фабрики домой, на одевание утром и на утренний завтрак, на ужин, раздевание вечером и укладывание в постель, то из двадцати четырех часов с трудом можно выкроить девять, необходимых, чтобы выспаться здоровому юноше. Из этих девяти часов, уже лежа в постели, со смыкающимися глазами, я умудрялся урывать время для чтения.

Но часто случалось, что я кончал работу не раньше полуночи. Иногда мне приходилось работать по восемнадцать и двадцать часов подряд. Однажды я работал у машины без перерыва тридцать шесть часов. Бывали недели, когда я кончал работу не раньше одиннадцати, приходил домой и ложился спать в половине двенадцатого, а утром меня поднимали в половине шестого. Я одевался, перекусывал и шел на работу, чтобы поспеть к гудку в семь часов.

Тут уж было не до того, чтобы урывать время для чтения моих любимых книг. Что мог сделать Джон Ячменное Зерно с таким усердным работником, с таким пятнадцатилетним стоиком? Все, что угодно. Я вам сейчас докажу.

Я задавался вопросом: неужели смысл жизни заключается в том, чтобы быть рабочим скотом? Я не видел, чтобы хоть одна лошадь в Окленде работала столько часов, сколько работал я. Я вспоминал свою лодку, праздно лежавшую у пристани и облепленную ракушками; вспоминал ветер, свистевший каждый день в заливе, восходы и закаты солнца, которых я уже никогда не увижу; соленый запах моря, прикосновение соленой воды к телу, когда я купался в море. Я вспоминал всю красоту и все прекрасное, в чем мне теперь было отказано. Существовал только один способ избавиться от этой убийственной работы – уйти в море. Я должен зарабатывать себе хлеб на море. А дорога к морю неизбежно ведет в лапы к Джону Ячменное Зерно. Я не знал этого. Но когда и узнал, у меня нашлось достаточно мужества, чтобы не вернуться обратно к своей скотской работе у машины.

Я хотел быть там, где веет свежий ветер приключений. А ветер приключений гоняет шлюпы устричных пиратов вдоль всей бухты Сан-Франциско, от устричных отмелей до городских верфей, куда по утрам являются покупатели, разносчики и содержатели кабаков. Налет на устричную отмель являлся преступлением, которое каралось заключением в тюрьме, полосатой арестантской курткой и тяжелыми работами. Но что из этого? У арестантов рабочий день короче, чем у меня на фабрике, и в положении устричного пирата и даже арестанта было куда больше романтизма, чем в положении раба машины. Разные меня одолевали соображения, но сильнее всего был во мне дух юности, дух романтики и приключений.

Я поговорил на эту тему с Мамми Дженни, моей старой кормилицей, черную грудь которой я сосал в детстве. Она была богаче, чем мои родители: служила сиделкой и получала за это хорошее вознаграждение. Не одолжит ли она своему «белому питомцу» денег? Не одолжит ли! Все, что у нее есть, она отдает мне!

Затем я разыскал Француза Фрэнка, устричного пирата, который, как я слышал, хотел продать свой парусный шлюп «Рэзл-Дэзл», на котором он сегодня принимал гостей. Шлюп стоял в это время на якоре у Аламеды, около моста. Он согласился продать шлюп, но попросил меня подождать до завтра, так как сегодня воскресенье и у него на борту гости. Завтра можно будет подписать договор, и я стану хозяином лодки. Он пригласил меня пока сойти вниз и присоединиться к гостям. Компания состояла из двух сестер: Мэйми и Тэсс, миссис Хедли, сопровождавшей их, и двух молодых устричников – шестнадцати и двадцати лет – Боба, по прозвищу Виски, и Хили, прозванного Пауком. Виски был устричным пиратом, а Паук промышлял в порту. Мэйми, племянница Паука, была известна под именем Королевы устричных

пиратов и нередко возглавляла их пирушки. Фрэнк, как я узнал потом, был влюблен в Королеву, но взаимностью не пользовался.

Фрэнк решил вспрыснуть нашу сделку и налил мне стакан красного вина. Я вспомнил красное вино, которым еще в детстве напоили меня у итальянцев, и меня передернуло: пиво и виски были мне менее противны. Но Королева смотрела на меня в упор, держа недопитый стакан в руке. Это пробудило во мне самолюбие, и я захотел доказать ей, что, несмотря на свои пятнадцать лет, я тоже взрослый мужчина, не хуже других. Сестра Королевы, миссис Хедли и мужчины – все держали стаканы в руках... Я захотел доказать, что я не мальчишка, и осушил стакан залпом.

Я дал Фрэнку задаток – двадцать долларов золотом, и он был очень доволен сделкой. Он налил всем еще по стакану. Я решил не отставать: я знал, что желудок и голова у меня достаточно крепки и здоровы, чтобы выдержать хотя и недельную попойку.

Начали петь. Паук спел арестантскую песню «Бостонский вор» и «Черную Лулу»; Королева – «Я хотела бы быть птичкой», а сестра ее – «Не обижай мою дочь». Веселье становилось все более шумным. Все пили и поминутно чокались, а я старался не допивать стакан до конца и потихоньку выплескивал вино за борт.

Я думал так: у каждого человека есть какие-то странности; очевидно, эти люди находят какую-то прелесть в этом противном красном вине... Что ж... дело вкуса. Я тоже должен делать вид, что оно мне нравится, чтобы не пасть в их глазах. Ну и прекрасно, пусть думают, что я люблю его, а я постараюсь все-таки пить как можно меньше. Королева внезапно почувствовала прилив симпатии ко мне: ведь я присоединился к компании устричных пиратов на собственном шлюпе! Она позвала меня погулять с ней по палубе. Она-то, разумеется, знала, что Фрэнк, оставшись внизу, в каюте, терзается бешеной ревностью, но я об этом не имел ни малейшего понятия. К нам постепенно стали подходить снизу: ее сестра Тэсс, Паук и Боб; потом пришли миссис Хедли и Фрэнк. Огромная бутылка передавалась по кругу, все продолжали пить и горланить, я один оставался трезвым.

Я не сомневаюсь в том, что мне эта попойка доставляла гораздо больше удовольствия, чем им всем. Мне нравилась эта богема: жизнь ее была так не похожа на однообразную трудовую жизнь, которая еще вчера была моим уделом. Здесь меня окружали веселые, храбрые хищники, не желавшие быть в рабстве у машин и подчиняться стесняющему их свободу закону, – храбрый народ, ежеминутно рискующий свободой и даже самой жизнью. Ячменное Зерно помог мне ближе сойтись с этими мужественными, свободолюбивыми людьми.

Вечерний бриз освежил мне легкие. В канале поднялось волнение, с моря начали возвращаться суда и гудками требовали, чтобы развели подъемный мост. Проходили буксиры, поднимая волны. Баржа с сахаром тащилась на буксире в море. Солнце омывалось в волнах. Жизнь была хороша. Паук пел арестантскую песню:

Ах, моя Лулу, моя черная милка!
Где же ты была, моя крошка Лулу?

Вот он, протестующий дух мятежа, приключения, романтика запретных поступков, которые совершаются смело и благородно. Я знал, что завтра не пойду на фабрику к своей машине. Завтра я уже буду устричным пиратом, свободным постольку, поскольку это возможно в условиях жизни нашего века в водах Сан-Франциско. Паук уже согласился быть «экипажем» моего судна, а также и поваром, а на мне будет работа на палубе. Завтра с утра мы запасемся провизией и пресной водой, поднимем главный парус, когда подует бриз и начнется отлив, и выйдем из лимана. Затем ослабим паруса и с первым приливом пойдем к Спаржевым островам, где и бросим якорь за несколько миль от берега. Наконец-то осуществится моя мечта: я буду спать

на корабле. На следующее утро я проснулся в море! И после этого буду проводить на воде уже все мои дни и ночи.

Когда вечером Француз Фрэнк спустил лодку, чтобы переправить своих гостей на берег, Королева попросила меня перевезти ее на берег в моей лодке. Я не понял, почему Француз Фрэнк вдруг раздумал ехать сам и поручил перевезти гостей Бобу, а сам остался на борту. Не понял я ничего даже и после того, как Паук, хитро подмигивая мне, проронил: «Ты, я вижу, малый не промах». Но где же было мне, пятнадцатилетнему мальчишке, понять, что седой, пятидесятилетний дядя приревновал ко мне свою зазнобу?

Глава VIII

На следующее утро мы встретились, как это и было решено, в одном из кабаков, где совершались такие сделки. Я заплатил деньги, получил расписку и спрятал ее в карман. Фрэнк поставил угощение. Я понял, что так принято, и нашел, что это даже вполне справедливо, чтобы часть денег, полученных при совершении сделки, тратилась в том же заведении, где сделка заключена. Но я очень удивился, когда увидел, что Фрэнк угощает всех посетителей кабака. Что мы с ним вспрыскивали сделку – это понятно. Но зачем же угощать всех посторонних посетителей и самого хозяина, который получает еще и барыш с каждого выпитого им стакана вина? Ну, пусть он угощает Боба и Паука – друзей, но при чем тут какие-то грузчики, никому не известные Билл Келли и Суп Кеннеди?

Вместе с братом Королевы, Пэтом, нас стало восемь человек. Хотя было еще очень рано, все потребовали виски, мне только оставалось сделать то же самое, и я крикнул: «Виски!» с таким видом, будто это для меня самое привычное дело, и я повторяю этот приказ в тысячный раз. Что это было за виски! Я выпил его тогда одним духом, не моргнув, но до сих пор не могу... б-р-р-р-р!.. забыть его противный вкус.

Я был удивлен и тем, как дорого обошлось Французу Фрэнку это угощение. Он выложил на стойку восемьдесят центов. Восемьдесят центов! Мое чувство бережливости взбунтовалось. *Восемьдесят центов* – ведь это восемь утомительных часов фабричной работы, а между тем они моментально исчезли без следа в наших глотках, и после них ничего не осталось, кроме отвратительного вкуса во рту. Что за расточительность со стороны Фрэнка!

Мне не терпелось поскорее оказаться на свежем воздухе, вступить во владение своим судном и выйти на нем в море. Но никто не спешил уходить, в том числе и мой «экипаж» в лице Паука. Я не мог понять, почему они медлили. После я не раз задавался вопросом, какого мнения была эта компания обо мне: человек пил с ними, якшался с ними и даже не подумал выставить им угощение и со своей стороны.

Француз Фрэнк, получив с меня деньги, стал смотреть на меня каким-то странным, холодным взглядом. Я тогда не понимал, какие ужасные муки он испытывал. Я удивился еще больше, когда хозяин кабака, перегнувшись через стойку, шепнул мне: «Он сердит на вас, берегитесь».

Я кивнул головой, чтобы показать, что я понимаю, в чем дело (мужчина должен понимать душевное состояние других мужчин), но на самом деле я так-таки ничего не понимал. Где же мне было понимать, когда у меня не было других мыслей, кроме как о разных необыкновенных приключениях, когда я даже забыл о самом существовании какой-то женщины, в которую Француз Фрэнк влюблен до безумия. Да я и не подозревал последнего обстоятельства. Мне и в голову не приходило, что все в порту говорили, будто Королева и смотреть не хочет на Француза с момента моего появления на его судне. Я не подозревал также, что неприязненное отношение ко мне брата Королевы, Пэта, объясняется этой же причиной; по простоте душевной, я думал, что он вообще мрачен по природе.

Виски Боб поманил меня к себе и шепнул мне на ухо:

– Держи ухо остро! Француз сердит на тебя. Мы отправляемся с ним вверх по реке, чтобы купить шхуну, и когда он вернется на промысел, ты смотри не зевай. Он хочет потопить тебя. Когда солнце взойдет, снимись с якоря и перейди куда-нибудь на другое место. Да погаси, смотри, сигнальные огни. Предупреждаю тебя, держи ухо остро!

Я поблагодарил его и вернулся к стойке. Но и тут я не сообразил, что мне следовало бы угостить компанию. Я не знал, что таков обычай. Я позвал Паука, и мы вместе вышли на улицу. Теперь, вспоминая это время, я сгораю от стыда при мысли, что они должны были говорить обо мне в мое отсутствие.

Притворно-равнодушным тоном я спросил Паука, за что на меня сердится Фрэнк.

– Да он просто приревновал тебя, – ответил тот.

– Неужели? – сказал я, но больше не пробовал заговаривать на эту тему.

Я принял равнодушный и небрежный вид, как будто это было мне совершенно неинтересно, но читатель поймет, какие чувства обуревали пятнадцатилетнего самолюбивого паренька, когда он узнал, что к нему приревновал женщину пятидесятилетний моряк, исколевший весь свет, и еще какую женщину – женщину с романтическим прозвищем «Королева устричных пиратов»! Мне приходилось читать о подобных случаях в книгах, я верил в то, что и на мою долю выпадут такие приключения, но не думал, что это наступит так скоро. Разумеется, я чувствовал, что мне и сам черт не брат, когда мы, снявшись с якоря и подняв парус, плавно понеслись по заливу.

Итак, я променял кабалу фабричного рабочего на вольную жизнь устричных пиратов. Началась эта жизнь попойками, а впереди предстояло то же самое. Но не отказываться же мне из-за этого от такой интересной жизни!.. Люди всегда пьют там, где царит вольная интересная жизнь. Романтика и интересные приключения всегда неразлучны с Ячменным Зерном, и, если я хочу на опыте изведать и то и другое, я должен примириться и с Ячменным Зерном. Иначе мне придется познакомиться с миром приключений только по книгам, а жизнь провести за скучной работой на консервной фабрике за десять центов в час.

Ну, нет, я не откажусь от этой новой жизни из-за того только, что мои товарищи любят выпить винца, пива и виски. Им, видно, нравится, когда я пью вместе с ними, ну и буду пить. Это не так страшно, только не стоит напиваться каждый раз допьяна. Остался же я трезвым в воскресенье, когда я купил «Рэзл-Дэзл», тогда как все остальные были пьянехоньки. Я решил и в будущем держать себя точно так же: буду пить, чтобы не портить компании, но не буду напиваться.

Глава IX

Мое вступление в компанию устричных пиратов ознаменовалось целым рядом попок. Их жизнь, по мере того как я втягивался в нее, все больше нравилась мне. В моей памяти всегда будет живо воспоминание о той ночи, когда обсуждался план нападения на устричные отмели в компании рослых храбрецов, собравшихся на шхуне «Энни»; это были все враги закона, по которым давно плакала тюрьма, среди них – и бывшие каторжники, с грубыми голосами – они носили высокие морские сапоги и непромокаемые плащи, а за поясом у них висели револьверы.

О, я знаю теперь, оглядываясь назад, что тут было много грязи и глупости. Но я не оглядывался назад тогда, когда шел плечо к плечу с Джоном Ячменное Зерно и начинал привыкать к нему. Это была дикая и смелая жизнь, и я переживал наяву те приключения, о которых раньше только читал в книгах.

Нельсон, по прозвищу Задира Младший (в отличие от его отца, которого звали Задирой Старшим), был владельцем шлюпа «Северный Олень», на котором он плавал вместе со своим товарищем Ракушкой. Ракушка тоже слыл отпетым парнем, но Нельсон был прямо каким-то бешеным. Ему было лет двадцать, ростом и сложением, как Гераклес. Через два года его убили, и коронер утверждал, что в мертвецкую еще никогда не попадал такой великан.

Нельсон не умел ни читать, ни писать. Он вырос на море и редко сходил на берег. Его необыкновенная сила и бешеный нрав внушали страх посетителям всех кабаков в порту. Он был очень горяч и в гомерическом гневе своем мог наделать много бед. Я познакомился с ним, когда мой «Рэзл-Дэзл» в первый раз вышел на промысел. Разразилась сильная буря; мы все стали на якоря и не решались даже съехать на берег, а Нельсон носился по волнам на своем «Северном Олене», собирая устриц.

Нельсон был далеко не последней фигурой в нашей компании. Поэтому я был очень польщен, когда однажды он остановил меня около кабака «Разлука» и заговорил со мной; когда же он предложил мне зайти в кабак и выпить с ним, я совсем потерял голову. Мы подошли к стойке и выпили по стакану пива; разговор наш вертелся вокруг устриц и лодок; потом мы поговорили о загадочном происшествии со шлюпом «Энни», главный парус которого кто-то прострелил дробью. Кто бы мог это сделать?

Меня очень удивило, что, после того как пиво было нами выпито, мы еще долго стояли у стойки. Разумеется, я не решился уйти первым. Через несколько минут Нельсон предложил выпить еще. Я очень удивился его предложению, но поспешил согласиться. Еще выпили, еще поговорили, а Нельсон и не думал уходить.

Ход моих мыслей в то наивное время был у меня следующий: мне льстило, что Нельсон, которого все в заливе считали героем, удостоил меня своим обществом. На мою беду, ему понравилось угощать меня пивом. Хотя я не люблю пива и мне противен его вкус, но не могу же я, из-за своей нелюбви к пиву, отказаться от угощения и лишиться чести оказаться в обществе Нельсона? Мне ничего не оставалось, как примириться с этим.

Итак, мы выпили несколько стаканов пива, не переставая разговаривать. Нельсон сам заказывал пиво и сам же платил за него. Очевидно, Нельсон продолжал угощать меня из любопытства, желая узнать, до каких же пор я буду угощаться за его счет и когда же я, наконец, догадаюсь, что пора и мне угостить его.

Когда нами было выпито уже по шесть стаканов, я вспомнил о своем решении не напиваться допьяна и решил прекратить это дело. Я сказал Нельсону, что должен вернуться на «Рэзл-Дэзл», которая стоит у пристани, недалеко от кабака, простился с ним и ушел к себе. Но Ячменное Зерно, в образе выпитых мною шести стаканов, пошел вместе со мной. Я был возбужден и чрезвычайно гордился собою, я чувствовал себя настоящим устричным пиратом, возвращающимся на собственное судно, после того как ему удалось провести время в дружес-

ской беседе в кабаке «Разлука» с Нельсоном, которого все считают героем. Я вызывал в своем воображении картину, как мы стоим с ним рядом у стойки, со стаканами в руках, и это воспоминание рождало во мне чувство торжества. Я не мог отделаться от одной мысли: как странно, что люди тратят – и, по-видимому, с удовольствием – деньги на угощение пивом человека, который даже не любит этого напитка. Но понемногу я стал припоминать, как часто при мне люди входили в «Разлуку» по двое, и при этом оба попеременно угощали друг друга. Еще я вспомнил, как на «Айдлере» я, китолов и Скотти выложили на стол свои деньги, чтобы купить на них виски. Припомнил я также обычай, существовавший среди мальчиков-газетчиков: если какой-либо мальчик угостит другого «пушечным ядром» или тянучкой, то на следующий день тот должен ответить тем же.

Тут я понял, почему Нельсон так долго стоял у стойки. Он ждал, что после того, как я выпью его пиво, я предложу ему угощение. А я выпил целых шесть стаканов и не угостил его. И такую штуку я выкинул с кем?.. С самим Нельсоном! Я не знал, куда деваться от стыда. Я сел на бревно и закрыл лицо руками. Я не раз краснел в жизни, но не помню, чтобы в моей жизни случилось что-либо подобное раньше: у меня покраснело не одно лицо – краска залила лоб и шею.

Пока я сидел так на бревне, я о многом передумал и на многое взглянул иначе. Я родился в бедной семье, бедствовал всю жизнь и нередко голодал. Я никогда не знал, что значит иметь собственные игрушки. Насколько я помню себя с раннего детства, нищета сопутствовала мне на протяжении всей жизни. Когда мне было восемь лет, я в первый раз надел рубашку, купленную в магазине. Но поскольку такая рубашка у меня была лишь одна, то, когда ее стирали, мне приходилось надевать неуклюжие рубашки, сшитые дома. Мне очень нравилась эта рубашка, и я хотел носить ее так, чтобы она была на виду и не надевать ничего сверху. Ради этого я не остановился даже перед ссорой с матерью. Я истерически разрыдался, и матери волей-неволей пришлось позволить мне носить мою рубашку так, чтобы все ее видели.

Только тот, кто голодал, может оценить по достоинству пищу; только те, кто путешествовал на море или в пустыне, могут оценить питьевую воду, и только ребенок, одаренный богатой фантазией, может оценить те вещи, которых он был лишен в детстве. Я рано ознакомился с истиной, что никто, кроме меня самого, не сможет мне дать того, чего я хочу. Пережитая в детстве нужда сделала меня скупым. Первыми вещами, приобретенными мной самостоятельно, были картинки от папиросных коробок, плакаты о новых папиросах и альбомы – премии табачных магазинов. Заработанные деньги я отдавал семье, а для того, чтобы приобрести нужные мне предметы, я вечерами продавал экстренные выпуски газет. Когда мне попадались два экземпляра одинаковых, я обменивал их у мальчиков на что-нибудь другое. Благодаря моей работе я метался по всему городу, и это позволяло мне легко устраивать всевозможные коммерческие сделки. Таким образом, я собрал полную коллекцию плакатов всех табачных фабрик: тут были и «Известнейшие скаковые лошади мира», и «Парижские красавицы», и «Женщины всех национальностей», и «Флаги всех государств», и «Знаменитые актеры», и «Чемпионы мира» и т. д. Все серии были у меня в трех видах: картинки с папиросных коробок, плакаты и альбомы.

Затем я стал собирать вторые экземпляры всех трех серий. В обмен на них я приобретал у других ребят вещи, купленные ими на родительские деньги. Разумеется, эти мальчики не могли так же хорошо разбираться в ценности вещей, как я, которому никто денег не давал и который зарабатывал их сам. Я менял всё, что можно: почтовые марки и минералы, птичьи яйца и игральные шарики, а также любые предметы, имевшие особенную ценность в глазах детей. Шариков у меня была целая коллекция. Началось с того, что один мальчик дал мне несколько в заклад под двадцать центов, которыми я ссудил его. Потом он попал в колонию для малолетних преступников, не успев выкупить шарики, и таким образом они остались у меня.

Я менял свои вещи на все что угодно и менял до тех пор, пока мне не попадалось в руки что-нибудь ценное. Скоро я стал известен в этой среде, но одновременно прослыл и за страшного скрягу: я торговался так, что даже скупщик старья мог бы прийти в отчаяние. Поэтому ребята часто просили меня продать принадлежавшие им пустые бутылки, тряпье, ломаное железо, жестянки, старые мешки и прочее и давали мне за эти услуги определенные комиссионные.

И этот скупердй, получавший десять центов в час за изнурительную работу на фабрике, сидел теперь на бревне на набережной и размышлял о том, что стакан пива, исчезающий в глотке без всякого следа, стоит целых пять центов. Я живу теперь среди людей, которые возбуждают во мне благоговение и обществом которых я очень дорожу. Моя бережливость не давала мне и тени того удовлетворения жизнью, какое я испытываю в настоящее время, сделавшись устричным пиратом. Что же представляет большую ценность – наслаждение или деньги? Этим людям ничего не стоит вышвырнуть пять центов – сколько угодно раз по пять центов. Они не придают цены деньгам и в состоянии угостить восемь человек, истратив по десяти центов на каждого, как сделал это Француз Фрэнк. Нельсон тоже истратил сегодня шестьдесят центов, чтобы угостить меня пивом.

Что же делать? Я понимал, что мне предстоит остановиться на каком-либо решении и сделать выбор. Что мне дороже – люди или деньги, удовольствия или сбережения? Надо или отрешиться от прежнего отношения к деньгам и без сожаления тратить их направо и налево, или отказаться от общества этих людей; если же мой выбор остановится на людях, то мне придется примениться к их странной склонности к спиртному и уже не скупиться на деньги так, как прежде.

Я пошел обратно в «Разлуку». Нельсон стоял в дверях.

– Пойдем, выпьем, – предложил я.

Мы опять стояли у стойки, пили и разговаривали, но теперь уже я выложил десять центов. Да, я истратил десять центов, приобретенных ценой утомительной работы на фабрике, истратил на то, что было мне абсолютно не нужно и противно на вкус. Но я не жалел об этом. Решение мое было принято, и мой взгляд на вещи совершенно изменился. Деньги отошли у меня на второй план, а на первом стояла дружба.

– Выпьем еще, – предложил я.

Мы опять выпили, я опять заплатил. Нельсон, с осторожностью опытного пьяницы, попросил кабатчика налить ему неполный стакан; Джонни кивнул головой и налил ему стакан на одну треть, но цена от этого не уменьшилась.

Но меня и это не беспокоило. Я занимался наблюдениями и учился жить. Мне становилось ясно, что в случае взаимного угощения главную роль играет не количество выпитого. Существенное значение имеет компания. Я с особенным удовольствием воспользовался своим правом заказывать неполные стаканы и этим облегчить неприятные обязанности, налагаемые чувством товарищества.

– Пришлось ходить на шлюп за деньгами, – заметил я с притворным равнодушием, чтобы объяснить свое неприличное поведение, когда я позволил Нельсону угостить себя шестью стаканами подряд.

– Не стоило, – сказал Нельсон. – Джонни поверил бы тебе в долг. Правда, Джонни?

– Разумеется, – ответил тот, приветливо улыбаясь.

– Кстати, сколько там приходится с меня? – спросил Нельсон.

Джонни достал из-под стойки книгу, открыл ее на той странице, где был записан счет Нельсона, и подсчитал: в итоге получилось несколько долларов. Я решил, что должен добиться того, чтобы и у меня была такая же запись в этой книге: я думал, что это будет последним штрихом, которого мне недостает для солидности.

Мы выпили еще по два стакана. Нельсон хотел заплатить за них, но я этого не допустил. Потом Нельсон сказал, что ему пора идти. Мы распрощались как добрые знакомые, и я пошел на «Рэзл-Дэзл». Паук растапливал печь и собирался готовить ужин.

– Где это ты так надрызгался? – усмехнулся он.

– Да с Нельсоном, – ответил я умышленно небрежно, но втайне гордясь этим.

Мне пришла в голову блестящая идея – угостить Паука. Уж коли идти по новой дороге, то идти до конца.

– Идем к Джонни, выпьем чего-нибудь, – предложил я.

На набережной мы встретили Ракушку, который был товарищем и компаньоном Нельсона. Это был высокий, красивый, длинноволосый брюнет, лет тридцати, отличавшийся ловкостью и храбростью.

– Пойдемте, выпьем, – предложил я ему.

Он охотно согласился и пошел с нами. У дверей кабака мы встретили Пэта, брата Королевы, выходявшего оттуда.

– Куда ты? – остановил я его. – Пойдем, выпьем с нами.

– Я сейчас выпил стакан пива, – ответил он.

– Ну, ничего, выпьешь еще стаканчик.

Пэт согласился. Выпив два стакана, он вспыхнул ко мне самыми дружескими чувствами. Тогда я ознакомился с некоторыми новыми свойствами Ячменного Зерна. При его посредничестве человек, питавший ко мне не совсем-то дружелюбные чувства и готовый стать моим врагом, за десять центов сделался моим другом; он смотрел на меня дружелюбным взглядом и дружелюбно разговаривал со мной об устричных отмелях и о наших общих делах.

– Мне неполный, Джонни, – сказал я кабатчику, после того как остальные заказали большие кружки. Я проговорил эту фразу таким естественно-небрежным тоном, как будто я был завсегдатаем кабака и тысячу раз произносил эту фразу. По-видимому, этому поверили все, за исключением кабатчика.

– Где это он так наклюкался? – шепотом спросил Паук у Джонни.

– Они с Нельсоном пьянствовали тут чуть не с самого полудня, – так же тихо ответил ему Джонни.

Я сделал вид, что не слышал их разговора, хотя последние слова и вызвали во мне безграничную гордость. «Они пьянствовали тут с Нельсоном чуть не с самого полудня» – в таких выражениях говорят только о настоящих мужчинах. Волшебные слова, равносильные посвящению в мужчины.

Я вспомнил, что во время покупки «Рэзл-Дэзл» Фрэнк угощал также и кабатчика. Прежде чем выпить из вновь налитых стаканов, я сказал ему: «Выпейте с нами, Джонни». Я старался дать понять, что уже давно хотел это сказать, но вот увлекся интересной беседой с Ракушкой и Пэтом.

Джонни быстро взглянул на меня, видимо, поражаясь моим успехам, и налил себе виски из особой бутылки, из которой не наливал никому. Меня немного покорило, что он налил себе виски, стакан которого стоил десять центов, тогда как мы пили пиво, стоившее пять центов. Но я постарался подавить чувство недовольства, считая его недостойным себя после принятого мной сегодня решения.

– Запишите, пожалуйста, на мой счет, – сказал я после того, как все поставили на стойку опорожненные стаканы. Я с удовольствием увидел, как Джонни открыл для меня новую страницу в книге и записал на мой счет тридцать центов. В воображении я рисовал себе блестящее будущее, когда вся моя страница будет заполнена записями, затем перечеркнута и затем для меня откроется новая страница.

Я угостил снова все общество, а потом Джонни удивил меня: он от себя угостил всю нашу компанию и этим более чем щедро расплатился за десятицентový стаканчик виски.

– Ну, теперь айда в «Сент-Луис», – предложил Паук, когда мы вышли из кабака. Пэта уже не было с нами – он целый день грузил уголь и ушел домой, а Ракушка ушел на «Северный Олень» готовить ужин. В «Сент-Луис» мы пошли с Пауком вдвоем. Я впервые попал в этот большой кабак. Там было около пятидесяти посетителей, в большинстве грузчики. Потом пришли Суп Кеннеди и Билл Келли, затем Смит с «Энни» и Нельсон. Меня познакомили с хозяевами кабака, братьями Виги, и с каким-то человеком необычайно уродливой внешности, у которого были злые глаза и перебитый нос, но который играл на гармонике, как небожитель.

Я не скупился на угощение (впрочем, угощал не я один), как вдруг сообразил, что этак, пожалуй, из моей недельной получки останется очень немного, а мне надо было уплатить часть долга благодетельствовавшей меня старушке Мамми Дженни. «Ничего, – беззаботно решил я, или, правильнее сказать, решил за меня Ячменное Зерно, – ты мужчина, и тебе надо вести компанию с мужчинами. Мамми Дженни не так уж нуждается в деньгах. Она не умирает с голоду, и, наверное, у нее еще есть деньги в банке. Она может и подождать немного».

Таким образом я открыл в Ячменном Зерне еще одно новое свойство: он понижает нравственный уровень людей. Многое в состоянии сделать человек пьяный, чего никогда не сделал бы трезвым.

Я с усилием отогнал воспоминание о долге старой негритянке, продолжал знакомиться с новыми людьми, наблюдать за нравами, причем неприятный вкус от алкоголя не только не уменьшался, а все усиливался. Не помню, кто доставил меня в конце концов на шлюп, должно быть, Паук.

Глава X

С этого времени я был признан настоящим мужчиной и сразу вырос в глазах портовых рабочих и устричных пиратов. Я прослыл славным малым и храбрым человеком. Интересно, что стоило мне только изменить взгляд на деньги, как я тотчас же перестал дорожить ими; не только никто уже не считал меня скрягой, но родные даже стали огорчаться из-за моего беззаботного отношения к деньгам.

С прежним скопидомством было безвозвратно покончено – настолько, что я написал матери и попросил ее отдать соседским ребятам все собранные мной коллекции; при этом я даже не поинтересовался тем, кому какая коллекция достанется. Я стал взрослым мужчиной и навсегда покончил со всем, что связывало меня с детством. Моя известность возрастала. Когда в порту узнали, что Француз Фрэнк собирался было продырявить мой шлюп носом своей шхуны, но я встретил его нападение на палубе «Рэзл-Дэзл» с ружьем в руках и правя рулем при помощи ног, так что Француз в результате должен был свернуть в сторону, в порту решили, что во мне что-то есть, даром что я так молод. Но я продолжал отличаться. Не раз я вдвоем с помощником то привозил на «Рэзл-Дэзл» больше устриц, чем другие суда такого же размера, то после дальнего набега мое судно единственное вернулось на рассвете на свою якорную стоянку. Однажды, в ночь на пятницу, я пришел к рынку первым, без руля и снял сливки с оживленной ранней торговли. Случилось я привел мой шлюп под одним кливером.

Но все мои подвиги на воде не так шли в счет, как те хорошие качества, которые я проявлял на суше: был добрым малым, сорившим деньгами и угощавшим всех без разбора, направо и налево, как и подобает настоящему мужчине. Все, вместе взятое, и обеспечило мне прозвище «Принц устричных пиратов». Мне тогда и в голову не приходило, что в один прекрасный день оклендские портовые рабочие, грубыми нравами которых в первое время я так возмущался сам, возмутятся моими отчаянными выходками.

Этот период моей жизни был неразрывно связан с пребыванием в кабаках; кабак – это клуб обездоленных, это их салон. Кабак был местом встреч; там мы вспрыскивали свои удачи и оплакивали неудачи, там мы заводили новые знакомства.

Я хорошо помню начало моего знакомства с Задирой Старшим, отцом Нельсона. Нас познакомил хозяин кабака «Разлука» – Джонни Рейнгольдс. Задира был очень интересным типом. Он владел и управлял шхуной каботажного плавания «Энни Майн», на которую мне очень хотелось попасть. Этот высокий, сильный старый викинг, с голубыми глазами и светлыми волосами, плавал на всех морях земного шара, на кораблях всех национальностей – и плавал в то время, когда вся жизнь моряка состояла из самых разнообразных и интересных приключений. О нем рассказывались целые легенды, и я привык относиться к нему с обожанием. Встретиться с ним мы могли только в кабаке, и, кроме рукопожатия и взаимного обмена приветствиями, наше знакомство дальше не пошло бы, так как старик отличался молчаливостью. Но тут явился на выручку Ячменное Зерно.

– Выпьем, – предложил я, помолчав ровно столько времени, сколько требовало приличие. Согласно общепринятому кодексу человек, угощавшийся за счет другого, должен был разговаривать с ним и выслушивать его. Джонни, как положено хозяину, подал несколько удачных реплик; у нас появились темы для разговора. Разумеется, выпив пива за мой счет, Нельсон должен был, в свою очередь, поставить мне угощение; беседа наша затянулась.

Чем больше мы пили, тем ближе мы знакомились друг с другом. Я уже из книг знал ту жизнь, о которой он рассказывал, и поэтому я с большим вниманием слушал его рассказы. Он с удовольствием вспомнил и рассказал мне несколько интересных случаев из своей молодости, и мы славно скоротали несколько часов в приятном разговоре и в шутках. Но если б не Ячмен-

ное Зерно, я не мог бы провести время так восхитительно; только Джон Ячменное Зерно мог заставить нас держаться на равных.

Джонни Рейнгольдс незаметно подал мне знак из-за стойки: не пора ли мне, мол, перейти на неполные стаканы. Но Нельсон продолжал опустошать полные стаканы, и я не хотел ударить в грязь лицом. Я перешел на неполные стаканы только после того, как их стал заказывать капитан Нельсон. К моменту прощания, длительного и очень дружелюбного, я был уже здорово пьян; да и Задира Старший был пьян не меньше. Только ложная скромность мешала мне признать, что он был пьян даже сильнее меня.

После этого Паук, Пэт, Ракушка и Джонни Рейнгольдс в один голос говорили мне, что я очень понравился Задиру и он отзывается обо мне с похвалой. Это было тем более замечательно, что старик был нелюдим, зол и редко кого удостаивал одобрительного отзыва. Его расположение ко мне явилось результатом посредничества Ячменного Зерна. Этот случай лишний раз подтверждает, какие услуги оказывает Ячменное Зерно и чем он так крепко привязывает к себе людей.

Глава XI

Однако желания пить – органической потребности в алкоголе – у меня в ту пору еще не было, хотя я пил уже многие годы и пил помногу. Попойки были частым явлением в нашей жизни: люди, среди которых я жил, пили все поголовно. На воде я не пил вовсе и даже не брал с собой на борт спиртного. Пил я только на берегу, ибо чувствовал себя обязанным делать то, к чему призывал общественный долг, – угощать товарищей и давать им угощать себя; от этого не мог уклоняться ни один настоящий мужчина.

Иногда меня навещали Королева, ее сестра, брат и миссис Хедли. Я был хозяином шлюпа, а они гостями, и мой долг как хозяина состоял в том, чтобы оказывать им гостеприимство, а гостеприимство они понимали только в форме выпивки. Когда они являлись, я посылал Паука, или Ирландца, или Скотта, смотря по тому, кто из них был в это время в моей команде, за ведром пива или четвертью красного вина. По роду нашего ремесла нам нельзя было ссориться с полицией; когда полицейские в штатском платье навещали нас, мы потчевали их устрицами и, разумеется, ставили им и виски.

Несмотря на все это, я все еще не научился любить Джона Ячменное Зерно. Я был очень благодарен ему за оказанные мне услуги, но вкуса его никак не мог оценить. Как я ни старался поддерживать свое мужское достоинство, я не мог отделаться от позорного влечения к конфетам. Но я сгорел бы со стыда, если бы мою тайну узнали, и только иногда по ночам, когда мне удавалось спровадить мою команду на берег, я позволял себе вдосталь наесться сластей. Я отправлялся в библиотеку переменить книги, покупал на обратном пути несколько фунтов конфет, запирался в своей каюте, ложился на койку и в течение нескольких часов преприятно проводил время, читая книгу и истребляя в огромном количестве конфеты. Это были самые лучшие минуты в моей жизни.

Попойки представляли собой самые яркие эпизоды в жизни и являлись крупными событиями. Некоторые мои товарищи свободное от попок время считали вообще прозябанием и жили только ожиданием моментов, чтобы напиться. Портовые рабочие всю неделю проводили в отупляющем труде, для того чтобы иметь возможность как следует кутнуть в субботу вечером; а мы – устричные пираты – работали и рисковали, терпели и торговались, чтобы, продав товар, вознаградить себя за все хорошей выпивкой. Хотя случайная встреча с приятелем могла изменить течение событий и привести к внеочередной попойке.

Именно эти «случайные» выпивки и были самыми интересными; за ними часто следовали любопытные приключения. После одной такой попойки Нельсон, Француз Фрэнк и капитан Спинк обнаружили украденную Виски Бобом и Греком Ники лодку, которую они спрятали под водой. Примерно в это время в компании устричных пиратов случились некоторые важные события. Нельсон подрался на борту «Энни» с Биллом Келли, получил пулю в лопатку и ходил с рукой на перевязи; потом он поссорился с Ракушкой и взял на «Северного Оленя» двух новых матросов, но те, испугавшись его диких выходок, бежали от него и рассказывали о нем на берегу такие страшные истории, что к нему никто не решался идти, и «Северный Олень» празднично стоял на якоре у берега. «Рэзл-Дэзл», со сломанной мачтой, стояла рядом с ней. Экипаж ее составляли мы со Скотти. Виски Боб повздорил с Фрэнком и ушел с Греком Ники к устью реки Сакраменто; оттуда они привели новую лодку, украденную у итальянцев. Владельцы ее потом явились в гавань и искали свою лодку у всех устричных пиратов. Мы понимали, что только Виски Боб и Грек Ники могли ее украсть. Но куда они ее спрятали? Сотни греков и итальянцев участвовали в поисках; они тщательно обшарили все уголки залива и устье реки, но ничего не могли найти. Тогда владелец лодки обещал тому, кто найдет ее, награду в пятьдесят долларов. Разумеется, это вызвало еще больший интерес к пропавшей лодке.

В воскресенье ко мне пришел старый капитан Спинк и с таинственным видом рассказал мне, что, когда он ловил рыбу у Аламедской пристани, во время отлива увидел у одного столба привязанный к нему конец веревки. Он попробовал потянуть за веревку и поднять то, что было к ней привязано, но это оказалось ему не по силам. У другого столба подальше был привязан другой конец веревки, тоже прикрепленный под водой к чему-то очень тяжелому. Похоже, это и есть пропавшая лодка. Капитан пришел, чтобы уговорить меня помочь ему поднять лодку и заработать пятьдесят долларов. Но я считал, что у воров тоже должны быть свои понятия о чести, и отказался от участия в этой операции.

Но Француз Фрэнк и Нельсон были в ссоре с Виски Бобом. (Бедняга Виски Боб! Он был добрым и благородным малым, но слабохарактерным и алкоголиком; в скором времени после описанных событий его тело нашли в заливе, продырявленное пулями). Не прошло и часу после того, как я отказался от предложения капитана Спинка, мимо меня прошел «Северный Олень». Капитан стоял с Нельсоном на борту. Сзади шла шхуна Француза.

Через некоторое время они явились обратно и шли как-то странно, рядышком; когда они повернули, оглябая мель, я увидел, что из воды торчит нос рыбацкой лодки. Она была привязана канатами к шлюпу и к шхуне за шкафут. Отлив был уже в полном разгаре, и они уткнулись прямо в песок, с рыбацкой лодкой посередине. Тотчас же Ганс, матрос со шлюпа, спустил шлюпку и направился в порт; по торчавшей на носу лодки пустой бутылки легко было догадаться о цели этого путешествия. Мужчины хотели поскорее вспрыснуть так легко доставшиеся пятьдесят долларов. Вообще у всех поклонников Ячменного Зерна одинаковая психология: они пьют с радости и с горя; в последнем случае они пьют за будущую удачу, которая должна, рано или поздно, выпасть на их долю; пьют от радости при встрече с приятелями и пьют после ссоры с ними – с горя, что потеряли их; если им везет в любви, они пьют от радости, а если не повезло, то пьют с горя. В периоды безделья они тоже ощущают потребность выпить как можно больше – чтобы в голове зашумело и чтобы время не шло праздно. В трезвом состоянии они сторают от желания выпить, а во время попойки у них появляется желание пить без конца.

Разумеется, компания пригласила и меня со Скотти. Мы стали помогать им истратить награду, которая еще не была получена. Пили мы здорово. Нам было очень весело – мы пели, болтали, рассказывали о своих подвигах и осушали стакан за стаканом. Нас хорошо было видно на набережной, и наши приятели, привлеченные шумом, приплывали к нам на своих лодках и присоединялись к нашей компании. Ганс то и дело ездил на берег с пустыми бутылками.

Веселье достигло своего апогея, когда пришли совершенно трезвые Виски Боб и Грек Ники и стали с негодованием упрекать вероломных товарищей, выхвативших у них из-под носа добычу. Француз Фрэнк, по наущению Джона Ячменное Зерно, начал было горячую тираду о честности и других добродетелях, но потом, не выдержав, вытащил Виски Боба на песок и задал ему, несмотря на свой преклонный возраст, здоровую трепку. Грек Ники вооружился лопатой и бросился Бобу на выручку, но Ганс предупредил его. Боба и Ники, избитых в кровь, посадили в их лодку и отправили домой, а победители сочли своим долгом отпраздновать победу.

Между тем орава наших гостей, представлявшая собой многонациональное сборище, вовсю демонстрируя разнообразные темпераменты, дошла уже до высоких градусов. Обычная сдержанность уступила место разнузданности и злобе: кто-то вспоминал старые обиды, пробуждалась старая вражда, и то тут, то там начиналась драка. Какой-то грузчик вспомнил, как его обидел устричник; устричник начал жаловаться на грузчика – в результате сжимались и шли в ход кулаки. По окончании драки пили за примирение, и недавние враги обнимали друг друга и клялись в вечной дружбе, до гробовой доски.

Вдруг входит Суп Кеннеди и требует свою старую рубаху, оставленную им когда-то на «Олене». Очевидно, он решил, что это самая подходящая минута для сведения счетов. Перед этим он пьянствовал в пивной «Сент-Луис», и, очевидно, сам Джон Ячменное Зерно привел

его сюда потребовать свою старую рубашку. Несколько брошенных им слов послужили сигналом к драке. Суп схватился с Нельсоном на палубе, и оба повалились. Сам того не подозревая, Суп был на волосок от смерти. Фрэнк едва не проломил ему череп железным ломом. Уже больно он рассвирепел, увидев, как человек с двумя здоровыми руками напал на однорукого. Если «Северный Олень» еще существует, то на его борту должен остаться след от удара лома, миновавшего, к счастью, голову Кеннеди.

Но Нельсон вытащил из лубка свою забинтованную, пробитую пулей руку и со слезами ярости рычал, что он справится с Супом Кеннеди и одной рукой. Мы предоставили им возможность помериться силами на песчаной отмели. Одно время, когда казалось, что Нельсону приходится туго, Ячменное Зерно вместе с Французом Фрэнком тоже ввязались в драку. Против этого запротестовал Скотти и кинулся на Фрэнка; тот повернулся к нему, повалил, сел на него верхом и начал обрабатывать кулаками. Они катались по песку взад и вперед. Пытаясь разнять их, мы затеяли с полдюжины новых драк. Кое-как их удалось унять с помощью бутылок и других мер. Однако Нельсон с Супом Кеннеди продолжали бой. Время от времени мы подходили к ним и давали различные советы. Так, когда они в изнеможении лежали на песке, не в состоянии драться, мы советовали им засыпать глаза противнику песком. Они начали швырять друг в друга песком, потом встали и продолжали драку до тех пор, пока окончательно не выбились из сил.

Все это было скверно, смешно и скотски грубо, но подумайте, что все это значило для меня – шестнадцатилетнего юноши, сжигаемого страстью к приключениям, голова которого была полна рассказов о пиратах, разоренных городах, вооруженных столкновениях и воображение которого до безумия было возбуждено алкоголем. Это была неприкрашенная жизнь, дикая и свободная, – естественная для тех мест, где я жил, для того времени, в которое я родился. И более того – эта жизнь была чревата обещаниями. Здесь только начало. С песчаной отмели через Золотые Ворота дорога вела в обширный мир приключений на всем необъятном свете, где уже будут битвы не из-за старой рубахи или рыбацье лодки, а во имя иных, более высоких и более романтических целей.

Когда я пристыдил Скотти за то, что его поколотил старик, он начал ругаться, и мы тоже подрались на потеху остальным; в эту же ночь он ушел от меня, забрав с собой пару моих одеял. В течение всей ночи, пока устричники спали на своих койках мертвецким сном, шхуна и «Северный Олень» покачивались на якорях в высокой воде прилива. Рыбачья лодка, все еще наполненная камнями и водой, покоилась на дне.

Рано утром я услышал дикие крики, раздававшиеся с «Северного Оленя». Я вскочил, ежась от утреннего холода, и увидел зрелище, заставившее долгое время хохотать всю набережную. Красивая рыбацья лодка лежала на песке, раздавленная, плоская, как блин, а на ней торчали шхуна Француза Фрэнка и «Северный Олень». По несчастной случайности, крепкий дубовый нос лодки пробил две доски в борту «Северного Оленя». Когда начался прилив, в образовавшуюся брешь хлынула вода; Нельсон проснулся, когда вода начала заливать его койку. Я выскочил на помощь, и мы вместе выкачали воду из шхуны и заделали пробоину.

Потом Нельсон приготовил завтрак, и во время еды мы обсудили создавшееся положение. Он был разорен. Я тоже. Никогда нам уже не заплатят пятидесяти долларов за груды щепок, лежавшую на песке. У него была ранена рука и не было команды. У меня был сожжен главный парус и тоже не было команды.

– Что бы ты сказал, если б я предложил тебе работать в компании? – спросил Нельсон.

– Давай работать вместе, – последовал мой ответ.

Таким образом я вошел в компанию с Задирой Младшим – Нельсоном, самым диким и необузданным из всех устричных пиратов. Мы заняли у Джона Рейн-гольдса денег, купили припасов, наполнили бочонки пресной водой и в тот же день отплыли к устричным отмелям.

Глава XII

Я никогда не жалел о тех сумасшедших месяцах, которые я провел в компании с Нельсоном. Да, он действительно умел управлять судном, хотя и заставлял дрожать от страха всякого, кто только плавал с ним. Быть всегда на волоске от гибели было для него наслаждением. Он гордился тем, что делает то, чего никто не осмеливается делать. У него был еще особый пункт – никогда не брать рифы; за все время, пока я с ним плавал, «Северный Олень» ни разу не ходил под зарифленными парусами, как бы сильно ни дул ветер. Палуба у нас никогда не просыхала. Судно выдерживало огромное напряжение, но все-таки постоянно ходило под полными парусами.

Мы покинули Оклендскую пристань и вышли в открытое море, в поисках приключений. Эта славная страница моей жизни была возможна только благодаря Джону Ячменное Зерно. И в этом я обвиняю его. Я жадно стремился к жизни, полной приключений, но приобщиться к ней я мог лишь при благосклонном содействии Джона Ячменное Зерно. Таковы уж были люди, которые вели подобный образ жизни. Если я хотел жить, как они, я должен был делать то, что делают они. Только благодаря пьянству я стал товарищем и компаньоном Нельсона. Выпей я только то пиво, за которое заплатил он, или откажись я совсем пить, он ни за что не принял бы меня к себе. Ему нужен был товарищ, который не только с ним бы работал, но мог бы при случае и покутить. Я весь отдался новой жизни. Почему-то я воображал, что весь секрет заключается в том, чтобы напиваться до бесчувствия, пройти последовательно через все стадии опьянения, которые может выдержать лишь железный организм, и наконец дойти до совершенной потери сознания и полного свинства. Мне не нравился вкус алкоголя, поэтому я пил исключительно для того, чтобы напиться – напиться безнадежно, до одури. Я, раньше трясшийся над деньгами Шейлок, скупой и бережливый и доводивший до слез старьевщиков, я, остолбеневший, когда увидел, как Француз Фрэнк истратил за один раз восемьдесят центов, угощая восемь человек виски, – я стал теперь относиться к деньгам более легкомысленно и беспечно, чем многие из знакомых мне пьяниц.

Я помню, как мы с Нельсоном как-то раз вечером сошли на берег. В кармане у меня было сто восемьдесят долларов. Я собирался купить себе сначала кое-что из одежды, а потом выпить. Одеться мне было необходимо. Все, что у меня было, я носил на себе, а это все состояло из следующих предметов: пары морских сапог, из которых вода, к счастью, так же быстро вытекала, как и попадала в них, из широких панталон ценой в пятьдесят центов; ситцевой сорокацентовой рубашки и клеенчатой шляпы. Обратите внимание, что я не упомянул ни о белье, ни о носках, – ни того ни другого у меня не было.

Чтобы дойти до лавок с готовым платьем, надо было пройти мимо дюжины кабаков. Поэтому я решил сначала выпить. До лавок с готовым платьем я так и не добрался. Утром, совершенно разбитый, с отравленным организмом, без денег, но довольный собой, я вернулся на судно, и мы вышли в море. У меня было только то платье, в котором я был, когда сходил на берег, а из ста восьмидесяти долларов не осталось ни одного цента. Людям, которые никогда ничего подобного не делали, может показаться невероятным, чтобы мальчишка мог за каких-нибудь двенадцать часов пропить сто восемьдесят долларов. Но я-то знаю, что это вполне возможно.

И я ни о чем не жалел. Я был горд. Я показал им всем, что умею тратить деньги не хуже самых расточительных из них. В обществе сильных людей я показал свою силу. Я доказал лишний раз, как уже часто доказывал раньше, свое право на титул Принца. Мое настроение можно отчасти объяснить реакцией на мою скудную жизнь и непосильную работу в детстве. Возможно, у меня в голове в то время было смутное сознание: лучше быть первым среди пьяниц и драчунов, чем гнуть спину за станком двенадцать часов в сутки и получать десять центов

в час. Когда работаешь на фабрике, то не переживаешь ярких моментов. Но если этот эпизод, когда я пропил сто восемьдесят долларов в течение полусуток, – не яркое событие, то я желал бы знать, что тогда называется ярким.

Не бойтесь – я пропущу многие подробности моего сближения с Джоном Ячменное Зерно за этот период моей жизни; я упомяну только про те случаи, которые могут пролить свет на его образ действий. Три обстоятельства позволили мне предаваться такому беспробудному пьянству: во-первых, необычайно здоровый организм, более крепкий, чем у большинства людей; во-вторых – здоровая жизнь на море; и в-третьих, то, что пил я не постоянно, а урывками. Когда мы выходили в море, мы никогда не брали с собой спиртных напитков.

Передо мной мало-помалу раскрывался мир. Я уже знал несколько сот морских миль, многие прибрежные города и рыбацьи деревушки. Беспокойный дух гнал меня дальше. Я еще не все видел. Многого я еще не знал. А Нельсону было довольно и того, что он успел повидать. Он тосковал по своей любимой Оклендской гавани; когда он решил туда возвратиться, мы расстались как самые лучшие друзья.

Теперь моей штаб-квартирой сделался старинный город Бенишия на проливе Каркинез. Здесь стоял на якоре в бухте целый ряд рыбацких лодок; на них проживала теплая компания бродяг и пьяниц, к которым я и присоединился. Тут мне пришлось часто ездить вверх и вниз по реке, так как я поступил в рыбацкий патруль. В промежутках между ловлей лососей и этими поездками мне удавалось чаще сходить на берег, и поэтому я стал больше пить и еще лучше узнал, что такое пьянство. Никто не мог меня перепить, хотя иногда я пил через силу, чтобы показать свое молодечество. Однажды утром меня без чувств вытащили из сетей, развешенных для просушки на шестах; накануне вечером я попал в них в пьяном виде, ничего не понимая, и запутался в них. Когда все в гавани со смехом и шутками вспоминали это происшествие и по этому случаю снова пили, я был страшно горд. Ведь это считалось настоящим подвигом.

А когда я как-то раз пил без просыпу целых три недели подряд, я решил, что дошел до точки. Ну, думал я, дальше уж идти некуда. Пора очнуться, пора идти вперед. Всегда – независимо от того, был ли я пьян или трезв, в глубине моей души какой-то голос шептал мне, что все эти попойки и рискованные поездки – еще не вся жизнь. Этот голос был моим добрым гением. К счастью, я был создан так, что везде и всегда слышал этот голос. Слышал, как он меня манит туда, в далекий белый свет. Добродетель здесь не играла никакой роли. Это было любопытство, желание узнать, беспокойное искание чего-то чудесного, что я смутно угадывал или о чем догадывался. Какой же смысл жизни, задавался я вопросом, если вот это – все, что она может дать? Нет, должно быть, есть еще что-то, далеко-далеко.

Но однажды Ячменное Зерно сыграл со мною злую шутку, и это побудило меня немедленно исполнить мое решение – бросить прежнюю жизнь и попытаться пойти дальше. Шутка эта была невероятная – чудовищная шутка, она открыла передо мной такую бездну, о которой я раньше не имел представления. Как-то раз – это было в первом часу ночи, после грандиозной попойки – я направился неверными шагами к своей лодке, привязанной в самом конце пристани, – в ней я собирался уснуть. Прилив с бешеной скоростью гнал волны по проливу Каркинез. Когда я, наконец, тщетно пытался влезть в шлюп, уже наступило время полного отлива. Ни на берегу, ни в шлюпе не было ни души. Меня понесло течением. Я не испугался. Мне даже показалось занятным подобное приключение. Я хорошо плавал, и в том разгоряченном состоянии, в котором я находился, прикосновение холодной воды к телу освежало меня, как прохладное полотно.

И тут-то Ячменное Зерно и сыграл со мной свою безумную шутку. На меня вдруг нашло желание отдаться воле волн. Всякие болезненные настроения всегда были мне чужды. Мысль о самоубийстве никогда не приходила мне в голову. Теперь, когда она мелькнула у меня, мне показалось, что такая смерть была бы прекрасным, великолепным завершением моей короткой, но интересной жизни. Я, еще не знавший любви девушки или женщины, ни ребенка, не

знакомый с наслаждением, которое может доставить общение с искусством, я, ни разу не взбавившийся на бесстрастные и далекие, как звезды, высоты философии и видевший только крошечный уголок обширного, прекрасного мира, – я решил, что больше нет ничего, что я видел все, испытал все, что есть интересного в жизни, и что настало время умереть. Это была скверная проделка Ячменного Зерна, который, овладев моим воображением, одолел меня и в пьяном виде тащил меня к смерти.

О, он умел ловко убеждать! Да, не было сомнения, что я испытал в жизни все, и это все не имело большой цены. Состояние скотского опьянения, в котором я провел несколько месяцев (при этом воспоминании меня охватило сознание моего падения и прежнее чувство греховности), – вот самое лучшее, что я испытал; и многого ли оно стоило – это я сам теперь видел. Взять, для примера, всех старых опустившихся бродяг, которых я когда-то угощал. Вот, значит, каков был конец. Неужели я сделаюсь таким же, как они? Нет, тысячу раз нет! И я проливал слезы сладкой грусти над прекрасным юношей, которого уносило течением. (Кто не видел плачущих пьяниц, меланхолически настроенных? Их можно встретить во всех барах, и если у них нет другого слушателя, которому они могли бы рассказать о своих страданиях, то они поверяют их буфетчику, а тот волей-неволей будет это выслушивать, ведь ему платят деньги.)

Прикосновение воды было необычайно приятно. Такая смерть была достойна мужчины. Джон Ячменное Зерно внезапно завел в моем пьяном мозгу совершенно иную музыку. Прочь слезы и сожаление! Ведь я умираю смертью героя, который погибает по своей воле. И я во весь голос затянул предсмертную песню, пока вода, плескавшаяся и попадавшая мне в уши, не напомнила мне о том, в каком положении я нахожусь.

Ниже города Бенишии, там, где выдается в море пристань Солано, пролив расширяется и образует так называемую Тернерскую бухту. Я плыл в полосе берегового течения, которое идет к пристани Солано, а оттуда в бухту. Я давно знал, какой сильный водоворот образуется там, где это течение огибает остров Мертвеца, чтобы понестись затем под пристань. А мне вовсе не хотелось попасть на сваи. Приятного в этом будет мало, к тому же мне придется потратить целый час на борьбу с течением, чтобы выбраться из бухты.

Я разделся в воде и быстро заработал руками, пересекая течение под прямым углом. Остановился я только тогда, когда увидел по огням, что пристань осталась позади. Тогда я лег на спину отдохнуть. Поработать мне пришлось здорово: понадобилось немало времени, чтобы отдышаться.

Я был в полном восторге – мне удалось избежать опасности. Я снова начал петь свою предсмертную песню, это была какая-то импровизация пьяного парня. «Не пой, рано еще, – шепнул Ячменное Зерно. – На Солано жизнь не прекращается и ночью. На пристани находятся железнодорожники. Они услышат тебя, подплывут на лодке и спасут, но ты ведь не хочешь, чтобы тебя спасли». Разумеется, я не хотел этого. Как? Чтобы меня лишили возможности погибнуть героем? Да ни за что! И я лежал на спине, глядя на звезды и наблюдая за тем, как мимо меня проносятся огни на пристани – красные, белые и зеленые. Каждому из них я посылал на прощание трогательно-грустный привет.

Очутившись уже далеко, на середине пролива, я снова запел. Иногда я делал несколько взмахов, но большей частью просто давал течению нести меня, а перед моими глазами проносились какие-то бесконечные пьяные сны.

Однако не успел еще наступить рассвет, как я несколько протрезвел в холодной воде, ведь я уже много часов провел в ней. Я уже начал интересоваться, в каком же месте пролива я нахожусь. Подумал я также и о том, что скоро начнется прилив, который может подхватить меня и выкинуть обратно на берег раньше, чем я успею выплыть в залив Сан-Пабло.

Затем я почувствовал, что устал и окоченел. Кроме того, я совершенно отрезвел и уже не имел ни малейшего желания утонуть в море. Взглянув на берег Контра Коста, я различил

на нем очертания плавильни Селби и маяк на Лошадином острове. Тогда я решил доплыть до Соланского берега, но я так ослабел и замерз, продвигался вперед так медленно, да и каждый взмах стоил мне страшного труда, что я вскоре просто отдался течению, лишь изредка делая несколько взмахов, чтобы удержаться на волнах, которые под влиянием начавшегося прилива все усиливались. И тут мне стало страшно. Теперь я был уже совсем трезв, и умирать мне не хотелось. Я находил сотни причин, чтобы остаться в живых. Но чем больше я находил причин, тем вероятнее становилась возможность утонуть.

Я провел уже четыре часа в воде, когда наступил день. Рассвет застал меня в крайне печальном положении: я находился в полосе водоворотов около маяка на Лошадином острове, там, где встречаются и борются друг с другом быстрые течения из проливов Валлехо и Каркинез; в этот момент они, кроме того, боролись еще с приливом, который нагонял волны из залива Сан-Пабло. Поднялся свежий ветерок, короткие сильные волны заливали мне лицо, и я уже начинал глотать соленую влагу. Как опытный пловец, я понял, что конец близок. Но тут подоспела помощь – греческое рыбацье судно, шедшее в Валлехо. Еще раз, благодаря своему организму и физической силе, я спасся от Джона Ячменное Зерно.

К слову сказать, такие безумные проделки Джона Ячменное Зерно – вовсе не редкость. Точная статистика всех вызванных им случаев самоубийства привела бы человечество в ужас. Взять хотя бы происшествие со мной: для меня – молодого, здорового, нормального человека – желание покончить с собой не могло быть естественным. Но необходимо принять во внимание, что это желание появилось у меня после долгого периода пьянства, когда и нервы, и мозг мой были сильно отравлены алкоголем, к тому же и воображение мое всегда отличалось склонностью к драматическим и романтическим приключениям. В этот момент, когда я был доведен пьянством до полного безумия, мысль о геройской смерти привела меня в восторг. А между тем даже закоренелые, болезненно преданные алкоголю пьяницы и те кончают с собой большей частью после продолжительного пьянства, когда и нервы, и мозг насквозь пропитаны ядом.

Глава XIII

И вот я покинул Бенишию, где Джону Ячменное Зерно чуть-чуть не удалось погубить меня. Я отправился бродить по миру, повинаясь внутреннему зову, который обещал открыть мне смысл жизни. Но куда бы я ни направлялся, путь мой всегда лежал по местам, где алкоголь лился рекой. Везде кабаки служили сборным пунктом. Кабак был клубом бедняков, и это был единственный клуб, куда мне был открыт доступ. В кабаке я мог заводить знакомства. Я входил в кабак и мог разговаривать там, с кем хотел. Во всех незнакомых городах и поселках, через которые я проходил, кабак был единственным местом, куда я мог войти. С момента, когда я переступал порог кабака, я переставал быть чужим человеком в незнакомом городе.

Здесь я позволю себе сделать отступление и рассказать то, что со мной происходило совсем недавно, – всего только в прошлом году. Я запряг четверку лошадей в легкую таратайку и посадил в нее Чармиан; три с половиной месяца мы таким образом разъезжали с ней по самым диким местам Калифорнии и Орегона. Каждое утро я работал – писал свою ежедневную порцию, беллетристику. Написав, сколько я себе запланировал, я садился в таратайку, и мы ехали весь день – до следующей остановки. Однако удобные для остановок места не всегда находились на одинаковом расстоянии друг от друга, состояние дорог также было весьма различно, и потому каждый раз приходилось накануне составлять себе план поездки с учетом того, где и как я буду работать. Я должен был знать, когда именно следует выехать, чтобы заблаговременно засесть за писание и вовремя закончить положенное число страниц... Случалось порой, когда предстоял длинный путь, что мне приходилось вставать в пять часов и садиться за работу. Иногда же, если ехать было удобно и не так далеко, я мог начинать писать и в девять.

Но каким же образом заранее распределить свой день? Как только я приезжал куда-нибудь в город, я первым делом устраивал лошадей на ночь, а по дороге из конюшни в гостиницу заходил в салун. Во-первых, надо было выпить – да, да, выпить мне хотелось; но не забудьте, что я научился-то пить именно потому, что жаждал многое разузнать. Итак, надо было прежде всего выпить.

– Выпейте со мной за компанию, – обращался я к бармену.

И затем, за выпивкой, я начинал расспрашивать о дорогах и удобных местах для остановок по намеченному маршруту.

– Постойте-ка, – говорит, например, бармен, – есть дорога через Хребет Таруотера. Она раньше была в хорошем состоянии. Я там проезжал года три назад. Но весной она как будто закрыта. Знаете что, спросу-ка я у Джерри...

И бармен поворачивается к какому-нибудь человеку, сидящему за столиком или облокотившемуся на другой конец стойки, – к какому-нибудь Джерри, Тому или Биллу.

– Слушай-ка, Джерри, как там обстоят дела с Таруотерской дорогой? Ты ведь ездил в Вилкинсу на прошлой неделе.

А пока Билл, Джерри или Том начинает шевелить мозгами и пускать в ход свой мыслительный аппарат, я предлагаю ему выпить с нами. Затем начинается обсуждение, какая дорога лучше, – та или эта, где удобнее сделать остановку, сколько приблизительно времени придется ехать, где находятся самые богатые форелью места, и так далее; в разговор вмешиваются присутствующие, и беседа сопровождается выпивкой.

Еще два-три кабака – и у меня начинает слегка шуметь в голове, но зато я успел перезнакомиться почти со всеми в городе, узнать все о самом городе и довольно много – о его окрестностях. Я уже знаю всех местных политических деятелей, адвокатов, журналистов, дельцов, а также наезжающих в город владельцев ранчо, охотников и золотоискателей. Вечером, когда мы с Чармиан прогуливаемся по главной улице, она поражается при виде многочисленных знакомых, которых я успел завести в совершенно чужом городе.

Все это свидетельствует о том, какую услугу оказывает нам Джон Ячменное Зерно, еще более упрочивая свою власть над людьми. И везде, куда бы я ни попадал за долгие годы скитаний по белу свету, – везде я видел то же самое. Будет ли это в «cabaret» в Латинском квартале в Париже, или же в кафе в какой-нибудь глухой итальянской деревушке, или портový кабачок для матросов в приморском городе, или же, наконец, в клубе, где пьют виски с содовой, – всегда выходит так, что лишь там, где Джон Ячменное Зерно сближает людей, я могу сразу подойти к чужому человеку, встретить, кого мне нужно, и все разузнать. И потому необходимо, чтобы в грядущие счастливые дни, когда Джон Ячменное Зерно будет, наряду с прочими остатками варварства, вычеркнут из жизни человечества, – необходимо, чтобы к тому времени кабак был заменен чем-нибудь другим, чтобы было иное место, где люди смогут встречаться, сходиться друг с другом и получать нужную им информацию.

Однако пора мне вернуться к моему рассказу. После того как я расстался с Бенишией, мой новый путь привел меня опять в кабак. У меня не было никакого морального предубеждения против пьянства, но вкус алкоголя по-прежнему мне ничуть не нравился. Вместе с тем я при всем почтении к Ячменному Зерну стал относиться к нему с недоверием: я никак не мог забыть о том, какую злую шутку он сыграл со мной, вовсе не желавшим умереть. И потому, продолжая пить, я решил держать ухо остро и решительно не поддаваться, если Джон Ячменное Зерно станет нашептывать мне мысли о самоубийстве.

Прибывая в новый город, я немедленно заводил знакомства в кабаке. Когда я бродяжничал и мне нечем было заплатить за ночлег, единственное место, где соглашались меня принять и дать мне место у камина, был кабак. В кабаке я мог вымыться, причесаться, почистить платье. К тому же проклятые кабаки постоянно оказывались тут же, под рукой. Мой родной Запад прямо кишел ими.

Ведь не мог же я так легко войти в дом к незнакомым людям. Двери их не были открыты для меня, у их очага мне не было приготовлено место. С церквями и священниками мне никогда не приходилось иметь дела. Но то немногое, что я знал о них, не привлекало меня. Церковь не была окружена ярким ореолом романтизма, она не сулила никаких интересных приключений. Священники же принадлежат к тому роду людей, с которыми никогда ничего не случается. Они всю жизнь проводят в одном и том же месте; это люди порядка и строгой системы, существа ограниченные, подневольные, с узким кругозором. В них нечего искать величия, богатого воображения, чувства товарищества. А я хотел иметь друзей добрых, веселых и великодушных, смелых, пусть даже безрассудно отчаянных, а не мокрых куриц.

Вот еще одно из обвинений, которое я предъявляю Джону Ячменное Зерно: ужасно, что он накладывает руку именно на хороших парней – на людей с огоньком, благородных, с размахом, обладающих всеми самыми ценными качествами. А Ячменное Зерно гасит этот огонек, заглушает все порывы; если он не убивает сразу своих жертв и не отнимает у них рассудка, то он заставляет их огрубеть, опуститься, он коверкает и развращает их душу, не оставляя в ней ни следа прежнего благородства, прежней утонченности.

Да, и еще одно – это уже я говорю на основании более позднего опыта: Небо да избавит меня от обыкновенных, средних людей, которых не назовешь славными парнями; от тех, у кого лед в сердце и лед в уме, которые не курят, не пьют, не ругаются, не совершают смелых поступков, которые боятся отплатить за обиду, нанести удар врагу: в их слабых душонках жизнь никогда не была ключом, переливаясь через край и побуждая их на отвагу и дерзость. Таких людей вы в кабаке не встретите, но вы также не увидите их умирающими за идею, они не переживают необыкновенных приключений; они никогда не сумеют любить безумно, как любят боги. Нет, все это не для них: они слишком заняты тем, как бы не промочить ноги, как бы не переутомить сердце, как бы увенчать мелочным успехом тусклую, серенькую жизнь.

Вот в чем я обвиняю главным образом Джона Ячменное Зерно. Ведь именно их-то, этих славных парней, чего-нибудь стоящих, чья слабость происходит от чрезмерной отваги и пыл-

кой дерзости, – именно этих-то людей он соблазняет и губит так же, как и мягкотелых; но не о них – этих наиболее жалких экземплярах рода человеческого – я веду сейчас речь. Меня беспокоит другое: Ячменное Зерно губит такое огромное количество самых лучших представителей нашей расы! И все это оттого, что Джон Ячменное Зерно стоит на каждом перекрестке – и на большой дороге, и в любом закоулке, – доступный для всех, охраняемый законом; приветствуемый полицейским на посту; он манит к себе своих жертв, берет их за руку и ведет их в те места, где собираются все славные малые, все смельчаки, чтобы выпить в хорошей компании. Не будь Ячменного Зерна, эти смельчаки все равно родились бы на свет и совершили бы что-нибудь стоящее, вместо того чтобы бесславно погибнуть.

Сколько раз я испытывал на себе, какое чувство товарищества порождает Джон Ячменное Зерно. Иду я, например, по тропинке к водочке, чтобы там подождать товарного поезда, – и вдруг натыкаюсь на компанию «алки» (так называются бродяги-пьяницы, пьющие аптечный спирт). Тотчас же все здороваются со мной, приветствуют меня и приглашают выпить за компанию. Меня угощают техническим алкоголем, умело разбавленным водой, – и вскоре я уже участвую в общем веселье, в голове у меня шумит; и Джон Ячменное Зерно нашептывает мне, что жизнь – прекрасна, что мы все – храбрые и хорошие люди, что мы – свободные существа, беззаботно, как боги, шествующие по жизненному пути, послав к черту весь мир, где царит условность, сухость ума и души, где все чувства размерены по аршину.

Глава XIV

Вернувшись в Окленд после своих странствований, я посетил пристань и возобновил дружбу с Нельсоном. Он теперь постоянно оставался на берегу и вел еще более разгульную жизнь, чем раньше. Я тоже большую часть времени проводил на суше в компании с ним, лишь изредка совершая короткие поездки по заливу, когда на какой-нибудь шхуне не хватало рук.

Таким образом, мои силы уже не восстанавливались, как в те периоды, когда я не пил и занимался физическим трудом на свежем воздухе. Теперь я пил ежедневно, а при всяком удобном случае напивался допьяна; я все еще продолжал воображать, что секрет Ячменного Зерна заключается в том, чтобы напиваться мертвецки, по-скотски. За это время я здорово пропитался алкоголем. Я буквально жил в кабаках, превратился в их завсегдатая и даже того хуже. И вот тут-то Джон Ячменное Зерно попытался снова одолеть меня, он избрал другой, более предательский, но не менее убийственный способ, чем в тот раз, когда я чуть не дал отливу унести себя в открытое море. Мне еще не стукнуло семнадцати лет; всякую мысль о постоянной работе я с презрением отвергал; я чувствовал себя тертым калачом в среде других тертых калачей; я пил, потому что эти люди пили и потому что я не хотел от них отставать. Настоящего детства у меня никогда не было, и теперь, слишком рано став взрослым, я был довольно-таки циничным и, увы, знал многие скверные стороны жизни. Я даже не испытал, что такое любовь чистой девушки, но зато успел заглянуть в такие бездны, что воображал, будто вполне постиг и любовь, и жизнь. И мало хорошего было в том, что я узнал. Не будучи от природы пессимистом, я все же был убежден, что жизнь – довольно-таки дрянная, ничего не стоящая штука.

Дело, видите ли, было в том, что Ячменное Зерно притуплял мои чувства. Я уже перестал слышать прежний голос души. Даже мое любопытство начало покидать меня. Не все ли равно, что там находится на другом конце света? Живут там мужчины и женщины, без сомнения, точь-в-точь похожие на мужчин и женщин, которых я знаю. Они женятся, выходят замуж и проходят весь круг мелочных людских забот и, разумеется, пьют. Но стоит ли ехать так далеко, на край света за выпивкой? Не проще ли завернуть за ближайший угол и зайти к Джо Виги, где имеется все, что мне нужно? Да и Джонни Рейнгольдс все еще содержал трактир «Разлука». И, кроме этих, были кабаки на каждом углу, да еще в промежутках между углами.

Голос, звавший меня проникнуть во все тайны жизни, становился все более и более глухим, по мере того как алкоголь пропитывал насквозь мое тело и подчинял себе мой ум. Прежние беспокойные стремления улеглись. Не все ли равно – умереть и сгнить в Окленде или где-нибудь в другом месте? И я, несомненно, вскоре умер бы и сгнил, судя по тому, с какой быстротой Джон Ячменное Зерно гнал меня в могилу; но, к счастью, оказалось, что дело зависит не всецело от него. Я уже узнал, что значит потерять аппетит, каково вставать поутру с дрожащими руками, со спазмами в желудке, с пальцами, онемевшими точно от паралича; я узнал, как необходимо выпить тут же стаканчик, чтобы опохмелиться (о, Джон Ячменное Зерно ловко умеет поддать допинга. Когда у человека и мозг и тело горят и ноют от действия отравы, он, чтобы вылечиться, набрасывается снова на тот самый яд, от которого заболел).

Хитростям Джона Ячменное Зерно нет предела. Он уже раз чуть-чуть не убедил меня покончить с собой. Теперь он старался сам меня убить, не затягивая дела. Но и этого ему было мало: он пустился еще на одну хитрость. И на этот раз он чуть-чуть было не одолел меня; но зато я получил хороший урок и узнал одну вещь о нем, после чего начал пить с оглядкой, как опытный пьяница. Я узнал, что есть предел выносливости моего великолепного организма. Ячменное же Зерно никаких пределов не знает. Я узнал, что ему достаточно какого-нибудь часа или двух, чтобы одолеть меня, несмотря на мою крепкую голову, широкие плечи и могучую грудь, свалить меня на землю и начать душить меня за горло своей дьявольской рукой.

Однажды мы с Нельсоном как-то вечером сидели в кабаке. Сидели мы там только потому, что оба были без гроша, а время было предвыборное. Нужно сказать, что перед выборами местные политические деятели, выставив свою кандидатуру, имели обыкновение совершать обход всех кабаков, чтобы вербовать голоса. Сидишь себе за столиком, в горле совсем пересохло и думаешь, кто бы мог подвернуться да угостить стаканчиком? Или лучше будет пойти в другой кабак? Авось там в долг поверят. Сидишь и не знаешь, стоит ли тащиться куда-нибудь подальше, а дверь вдруг широко раскрывается, и входит целая компания изящно одетых господ, обычно довольно упитанных, и от них так и веет богатством и добродушной любезностью.

У них всегда готова бутылка и приветствие для каждого, даже для вас, хотя у вас в кармане нет пяти центов, чтобы уплатить за стакан пива; даже для робкого бродяги, который прячется в углу и, конечно, не имеет права голоса. Правда, он может всегда зарегистрироваться где-нибудь в гостинице. И представьте себе, стоит только появиться этим господам, стоит вам увидеть, как они широко распахивают дверь и входят, широкоплечие, с выпяченной грудью, с видимыми признаками отличного пищеварения, благодаря чему они не могут не быть оптимистами, не могут не подчинить себе жизни, – стоит вам увидеть их, как вы сразу приосаниваетесь. Значит, вечер все-таки ознаменуется чем-нибудь; во всяком случае, вам удастся хоть начать выпивку. А затем – кто знает? – быть может, боги будут к вам благосклонны; может быть, удастся выпить еще, и вечер завершится грандиозной оргией. И в самом деле, не успеваете вы оглянуться, как вы уже стоите у бара, опрокидываете себе в рот стакан за стаканом и стараетесь запомнить фамилии ваших новых знакомых и какие посты они мечтают занять.

Как раз в это время, в разгар предвыборной кампании, когда кандидаты занимались обходами кабаков, я начал пополнять пробелы в своем образовании, и многие мои иллюзии лопнули, как мыльные пузыри, – у меня, который когда-то зачитывался «Молотобойцем» и «Из лодочников в президенты». Да, я уже начал понимать, какая «прекрасная» штука политика и как благородны некоторые политические деятели!

Итак, в этот вечер мы с Нельсоном сидели в кабаке, без гроша в кармане, с пересохшим горлом, но с твердой надеждой пьяниц, что им случайно ниспослется откуда-нибудь выпивка. Мы сидели и ждали, не подвернется ли кто-нибудь – главным образом мы надеялись на кандидатов. И вдруг вбегает Джо Гусь – вечно жаждущий выпить пьяница, со злыми глазами, кривым носом и цветком в петличке куртки.

– Идем, ребята, даровая выпивка – пей, сколько влезет. Мне не хотелось, чтобы вы прозевали этот случай.

– Где это? – заинтересовались мы.

– Валяйте со мной. Я вам по дороге расскажу, некогда, нельзя терять ни минуты.

И мы быстро зашагали, удаляясь от центра города. По дороге Джо стал объяснять:

– Это устраивает Ханкокская пожарная команда. Каждому нужно нарядиться в красную рубаху и каску, а в руки взять факел – вот и все. Потом всех повезут на специальном поезде в Хейуортс на демонстрацию.

Кажется, дело происходило в Хейуортсе. А впрочем, может быть, и в Сан-Леандро или в Найлсе. Хоть убейте, не помню, к какой партии относилась Ханкокская пожарная команда – демократической или республиканской. Но как бы то ни было, организаторам демонстрации не хватало факельщиков, и всякий, кто соглашался участвовать в шествии, мог, если хотел, напиться.

– Весь город будет вверх дном, – продолжал Гусь. – Как насчет влаги, вы спрашиваете? Рекой будет литься! Организаторы демонстрации закупили все, что есть в кабаках. Платить ничего не придется. Подходи себе к бару и требуй, что хочешь. У нас тут дым коромыслом пойдет.

В помещении пожарной команды, на Восьмой улице, недалеко от Бродвея, мы оделись в рубахи и каски пожарных; дали нам факелы, отправили нас гуртом на вокзал и погрузили в

поезд. При этом мы всю дорогу ворчали, что нам не дали ни стаканчика перед отправлением. О, организаторы были народ опытный – им не раз приходилось иметь дело с нашим братом. В Хейуортсе нам тоже не дали выпить. Сначала походи в процессии да заработай выпивку – вот какой у них был порядок.

Шествие закончилось. И тогда открылись кабаки! Всюду был приглашен дополнительный персонал; в каждом трактире у залитой вином и ни разу не вытертой стойки стояла толпа в шесть рядов. Некогда было ни обтирать стойки, ни мыть посуду. Вообще некогда было ничего делать: еле успевали наполнять стаканы. Люди из Окленда, работающие на пристани, умеют при случае показать, что значит настоящая жажда.

Но это занятие – толкотня и борьба у стойки – показалось нам слишком нудным. Ведь все напитки в кабаках принадлежали нам. За них заплатили вожди партии, чтобы угостить нас. Мы же участвовали в шествии? Заработали же мы на выпивку? И потому мы решили произвести фланговую атаку, обошли стойку с обоих концов, оттолкнули в сторону запротестовавших было буфетчиков и начали угощаться сами, захватив с собой бутылки.

Высочив затем на улицу, мы отбивали горлышко у бутылок о край бетонной панели и пили. Здесь не мешает сказать, что Нельсону и Джо Гусю приходилось уже пить в большом количестве неразбавленное виски, и это научило их пить с оглядкой. Ну, а я ничего этого не знал. Я все еще ошибочно думал, что пить надо как можно больше – в особенности, если за это не нужно платить. Мы поделились своими бутылками с другими, оставив и себе хорошую порцию, а больше всех выпил я. Но мне эта штука не понравилась. Я выпил ее, как выпил пиво, когда мне было пять лет, или вино, когда мне было семь. Я переборол свое отвращение и глотал виски, как лекарство. Опорожнив все бутылки, мы отправились в другие трактиры, где даровое виски также лилось рекой, и сами себя угощали.

Не имею ни малейшего понятия о том, сколько я выпил – не то два галлона, не то пять. Я помню только, что в начале оргии я выпивал сразу по полпинты, причем не запивал виски водой, чтобы отбить вкус, и не разбавлял его.

Однако наши политические деятели были слишком мудры, чтобы оставить в городе толпу пьяниц с Оклендской пристани. Когда подали обратный поезд, начался обход всех кабаков. Я уже начал испытывать на себе действие виски. Нас с Нельсоном кто-то вытолкнул из трактира, и мы очутились в самых последних рядах весьма беспорядочного шествия. Я мужественно плелся за другими, но координация у меня была в полном расстройстве, ноги дрожали, сердце стучало, а легким не хватало воздуха.

Вскоре я почувствовал полное бессилие, даже мой затуманенный мозг подсказывал, что я тут же свалюсь замертво и не попаду на поезд, если останусь в хвосте толпы. Я вышел из рядов и побежал вдоль дороги, по боковой тропинке, обсаженной развесистыми деревьями. Нельсон, смеясь, погнался за мной. Помню отдельные эпизоды, которые выделяются в моей памяти на общем фоне кошмара. Особенно ясно помню эти деревья и как я бешено мчался под ними; помню, что при каждом моем падении вся пьяная толпа принималась гоготать. Все думали, что это просто пьяные фокусы. Никому и в голову не пришло, что Джон Ячменное Зерно схватил меня за горло и душил, убийственно душил меня. Но я отлично сознавал это. Помню мимолетное чувство горечи при мысли, что я борюсь со смертью и что никто этого не хочет понять. Это было нечто вроде того, как если бы я тонул на глазах у целой толпы зевак, а те воображали бы, что я проделываю какие-то фокусы для их забавы.

Я упал и потерял сознание. О том, что случилось затем, мне рассказали потом. Из всего последующего у меня в памяти осталась только одна картина. Нельсон обладал огромной силой: он схватил меня в охапку, дотащил до поезда и всунул в вагон. Когда ему, наконец, удалось усадить меня, я начал бороться с ним с такой силой и так задыхался от недостатка воздуха, что даже Нельсон, несмотря на всю свою тупость, понял, насколько мне плохо. Теперь я знаю,

что мог тогда умереть тут же, на месте. Мне часто кажется, что я никогда не был так близок к смерти, как в тот раз. Как я вел себя – об этом я могу рассказать только со слов Нельсона.

Внутри у меня все буквально раскалилось и горело, этот внутренний огонь жег меня, и я задыхался. Мне не хватало воздуха. Я безумно жаждал воздуха. Попытка моя открыть окно не удалась: все окна в вагоне были наглухо привинчены. Нельсону приходилось видеть, как пьяные люди сходили с ума: он вообразил, что я хочу выброситься из окошка. Он пытался меня удержать, но я продолжал бороться. Я схватил чей-то факел и разбил окно.

Нужно сказать, что у нас на Оклендской пристани была одна группировка за Нельсона, а другая – против него. Вагон был полон представителей и тех, и других, причем все они хватили лишнего. Когда я разбил окно, противники Нельсона приняли это за сигнал. Один из них хватил меня кулаком и свалил на пол; таким образом началась общая свалка, из которой я помню только то, что мне потом рассказали; правда, у меня осталось еще воспоминание о ней в виде боли от сильного удара в челюсть, от которого я и свалился. Тот, кто хватил меня, тоже упал поперек меня, на нем очутился Нельсон; говорят, что в начавшейся затем общей свалке внутренность вагона была буквально разнесена в щепки, и осталось лишь весьма немного целых окон.

Быть может, это мое падение и потеря сознания было самое лучшее, что только могло со мной случиться. Резкие движения, которые я делал, когда боролся, только заставляли мое сердце быстрее колотиться, а у меня уже и без того пульс был достаточно ускорен, из-за чего легкие нуждались в усиленном притоке кислорода.

Когда окончилась драка и я открыл глаза, я все-таки еще не пришел в себя. Я так же мало сознавал окружающее, как утопающий, который продолжает барахтаться, даже потеряв сознание. Совершенно не помню, что я делал, но оказывается я так настойчиво кричал: «Воздуха, воздуха!», что Нельсон, наконец, сообразил, в чем дело: он понял, что я вовсе не собираюсь покончить с собой. Тут он уже сам вытащил осколки стекла из рамы и позволил мне высунуть голову и плечи из окна. Он отчасти понял, что положение мое очень серьезное, и обнял меня за талию, чтобы помешать мне высовываться слишком далеко. И так я ехал всю дорогу в Окленд, начиная бороться, как сумасшедший, всякий раз, как Нельсон пытался втащить меня обратно в вагон.

Тут-то у меня и появился за все это время один мимолетный проблеск сознания. Единственное, что я помню, начиная с мгновения, когда я упал на тропинке под деревьями, и до того момента, когда я проснулся на другой день к вечеру, – это миг, когда я высунул голову в окно и мне в лицо подул ветер; поезд мчался; мне в глаза с силой летели искры; они жгли мне веки, ослепляли меня, а я между тем дышал – дышал изо всех сил. Вся моя сила воли была направлена на то, чтобы дышать – дышать как можно глубже, набирать в легкие как можно больше воздуха в возможно короткое время. Иначе – смерть, вот что я хорошо понимал; ведь я был опытным пловцом, много нырял и потому отлично это знал; я испытывал адские муки от долгого недостатка воздуха в те минуты, когда ко мне возвращалось сознание; и, подставив лицо ветру и искрам, я дышал, чтобы не умереть.

Больше я ничего не помню. Я пришел в себя на другой день к вечеру в одной из гостиниц, недалеко от пристани. Я был один. Доктора ко мне не приглашали. Я так легко мог умереть; Нельсон и остальные решили, что мне попросту «надо дать проспаться», и оставили меня пролежать семнадцать часов в коматозном состоянии. Каждый врач знает, как часто люди умирали оттого, что выпивали кварту виски или больше. Нам всем приходилось об этом читать, причем обыкновенно говорится, что это были привычные люди, но, пробуя пить на пари, не выдерживали. Я тогда об этом еще ничего не знал. Этот случай послужил мне наукой. Он не окончился печально не благодаря каким-нибудь особым качествам или моей доблести, а лишь благодаря счастливой судьбе и железному организму. Еще раз мое здоровье одержало верх над Джоном Ячменное Зерно. Еще одной убийственной ловушки его я избежал, еще раз благо-

получно прошел по зыбкому болоту и с опасностью для жизни научился той осторожности, которая дала мне возможность продолжать пить, хотя и с оглядкой, в течение многих лет.

Небеса! Ведь это случилось двадцать лет назад; я еще жив и умею пользоваться жизнью; я с тех пор много видел, много сделал, активно жил; и я до сих пор содрогаюсь, когда вспоминаю, что был буквально на волосок от смерти, что чуть-чуть не пропустил эти чудесные два десятка лет, которые мне выпали на долю. И если Джону Ячменное Зерно не удалось меня погубить в день демонстрации Ханкокской пожарной команды, то в этом виноват был не он, поверьте!

Глава XV

В 1892 году, ранней весной, я решил отправиться в дальнее плавание. Решение это в сущности не было связано с днем демонстрации Ханкокской пожарной команды. Я все еще продолжал жить и посещать трактиры и буквально жил в кабаке. Пить виски было, по-моему, опасно, но дурного в этом ничего не было. Виски – вещь страшная, как и множество других вещей в мире. От виски люди умирали, но, с другой стороны, и у рыбака иногда опрокидывается лодка, и он тонет, или бродяга, едущий зайцем, попадает под поезд, который его режет на куски. Чтобы устоять против ветра и волн, против поездов и кабаков, нужно обладать известной сообразительностью. Что касалось меня, я решил никогда больше не выпивать зараз кварту виски.

Побудило меня сделаться матросом другое обстоятельство: я в это время впервые мысленно представил себе дорогу к смерти, по которой Джон Ячменное Зерно ведет своих приверженцев. Картину эту, впрочем, я рисовал себе еще довольно смутно; при этом она мне представлялась с двух сторон, которые у меня в то время часто переплетались между собой.

Наблюдая среду, в которой я вращался, я стал замечать, что тот образ жизни, который ведем мы, любители пьянства, более губителен, чем жизнь, которую ведет большинство людей. Джон Ячменное Зерно, уничтожая в человеке нравственное чувство, толкает его на преступление. Мне постоянно случалось видеть, как люди в пьяном виде делали такие вещи, которые не пришли бы им в голову, будь они трезвы. И это было еще не худшее. За преступлением следовало наказание. Преступление губило людей. Многие приятели мои, с которыми я встречался в кабаках и с которыми вместе выпивал, были в трезвом виде добродушными и безобидными малыми; напившись же, они оказывались способными на самые низкие, безумные выходки. И тогда полицейские уводили их, и они сидели за решеткой, и я ходил с ними прощаться перед тем, как их увозили на ту сторону залива, где на них надевали одежду каторжников, и сколько раз мне при этом приходилось выслушивать одно и то же оправдание: «Не будь я пьян тогда, ни за что бы этого не сделал!» Иногда случалось, что под влиянием Джона Ячменное Зерно совершались самые ужасные поступки, от которых содрогалось даже мое зачерствелое сердце.

Была и другая сторона у этой дороги смерти: то был путь привычных пьяниц. Такой человек мог в любой момент отправиться на тот свет без видимой причины. Когда пьяницы заболели, даже пустячной болезнью, от которой поправился бы всякий нормальный человек, они попросту угасали, как свечка. Иногда их находили мертвыми в постели, порой их тела вытаскивали из воды; или же просто происходил несчастный случай, как, например, с Биллом Келли. Он в пьяном виде разгружал судно, и ему оторвало палец; а могло случиться, что ему оторвало бы и голову вместо пальца.

Итак, я начал задумываться над своим положением и пришел к заключению, что мой образ жизни никуда не годится. Слишком уж он быстро приводил к могиле, а моя юность и присущая мне жажда жизни не могли примириться с мыслью о смерти. Но был только один способ уйти от этой жизни: отправиться в плавание. В заливе Сан-Франциско зимовала целая промысловая флотилия, собиравшаяся на охоту за морскими котиками; в трактирах я встречал шкиперов, их помощников, охотников и гребцов. Я познакомился с охотником Питом Холтом и принял его предложение быть у него на шхуне гребцом. Мы тут же вспрыснули наше соглашение полудюжиной стаканчиков.

Сразу же проснулись мои прежние беспокойные стремления, которые было улеглись под влиянием Джона Ячменное Зерно. Я почувствовал, что мне до смерти надоели кабацкая жизнь и Оклендская пристань; я не мог даже понять, почему все это когда-то казалось мне таким привлекательным. В голове у меня все время носилась картина «дороги смерти», и я начинал уже бояться, что со мной что-нибудь случится до отплытия, которое было назначено на январь.

Я стал вести себя более осторожно, меньше пил и чаще бывал дома. Когда выпивка превращалась в дикую оргию, я удирал. Если Нельсон напивался до безумия, я всегда ухитрялся улизнуть от него.

12 января 1893 года мне исполнилось семнадцать лет, а 20 января я подписал договор о поступлении на судно «Софи Сезерленд». Это была трехмачтовая промысловая шхуна, отправлявшаяся к берегам Японии. Разумеется, договор пришлось вспрыснуть. Джо Виги разменял мне мою авансовую кредитку; сначала угощал Пит Холт, потом я, потом Джо Биги и остальные охотники. Что поделаешь? Таковы были нравы старых моряков. А кто такой был я – семнадцатилетний мальчишка, чтобы уклониться от обычаев этих зрелых, славных, отважных мужчин?

Глава XVI

На «Софи Сезерленд» пить было нечего, плавание продолжалось пятьдесят один день, и я все время блаженствовал. Мы воспользовались северо-восточным муссоном и при помощи его стали быстро продвигаться на юг, к Бонинским островам – отдельно стоящей и принадлежащей Японии группе, служившей местом сбора канадской и американской промысловых флотилий. Здесь суда запасались водой и производили необходимый ремонт, перед тем как пуститься в трехмесячное плавание вдоль японских берегов до Берингова моря, где происходила охота на стаи котиков.

Эти пятьдесят дней удачного плавания, проведенные мною в абсолютном воздержании от спиртных напитков, вполне восстановили мое здоровье. Я чувствовал себя отлично. Из моего организма был изгнан весь алкогольный яд; с самого начала плавания у меня ни разу не было желания выпить; я даже не вспоминал о выпивке. Разумеется, матросы часто говорили между собой о выпивке, рассказывали наиболее интересные или смешные случаи, происходившие во время попойек. Об этих инцидентах они вспоминали с большим удовольствием и большим увлечением, чем про всякие другие случаи из своей полной приключений жизни.

Старшим из матросов был некто Луис, толстяк лет пятидесяти. Это был спустивший все свое состояние шкипер. Его погубил Джон Ячменное Зерно, и он теперь заканчивал свою карьеру так же, как и начал ее, – простым матросом. Этот случай произвел на меня глубокое впечатление. Очевидно, Джон Ячменное Зерно умеет не только убивать людей. Луиса, например, он не убил. Он сделал хуже. Он лишил его власти, места, всех жизненных благ, втоптал в грязь его самолюбие и на всю жизнь осудил его на тяжелое существование простого матроса; а так как Луис был крепкий и здоровый человек, то ему, очевидно, предстояло очень долго влачить такое существование.

Наше плавание по Тихому океану завершилось. Мы увидели вулканические, заросшие лесом вершины Бонинских островов и вошли, лавируя между рифами, в хорошо защищенную гавань; вскоре загромыхал наш якорь, и мы стали на место, где уже находилось судов двадцать таких же бродяг – кочевников моря. С берега доносился аромат неведомых тропических растений. Туземцы на своих странной конструкции челноках и японцы на еще более странного вида сампанах плыли по заливу, гребя одним веслом, направляясь к нашему судну. В первый раз я попал в чужую страну. Наконец, я добрался до края света; теперь я воочию увижу все то, о чем читал в книгах. Я рвался сойти на берег.

Я сговорился с двумя матросами, и мы решили держаться все время втроем (мы так хорошо привели это в исполнение, что нас до конца плавания звали «Три собутыльника»). Одного – шведа – звали Виктором. Другой – норвежец Аксель. Виктор показал нам тропинку, которая исчезала сначала в диком ущелье, затем опять показывалась и шла по крутому склону из сплошной лавы, а оттуда вилась в гору среди пальм и цветов, то пропадая, то вновь появляясь. Он предложил нам подняться по этой дорожке, на что мы охотно согласились: оттуда открывался чудесный вид, там могут быть оригинальные туземные деревушки и, наконец, нас может ожидать какое-нибудь – но какое, никто из нас не знал – приключение. Акселю же очень хотелось отправиться на рыбную ловлю. Мы и на это согласились. Мы решили достать сампан, захватить двух рыбаков-японцев, которые знают рыбные места, и устроить грандиозную ловлю. Что же касается меня, то все проекты мне одинаково нравились.

Составив план, мы съехали на берег на лодке, минуя рифы из живых кораллов; добравшись до земли, мы вытащили нашу лодку на белый берег, покрытый коралловым песком. Мы прошли через песчаную полосу, вошли под сень кокосовых пальм и добрались до маленького городка. Там мы нашли несколько сотен буйствовавших матросов со всех концов земли; все они безмерно пили, безмерно пели и безмерно плясали. Все это происходило на главной

улице городка, к великому возмущению совершенно беспомощной горсточки японских полицейских.

Виктор и Аксель решили, что нужно пропустить по стаканчику, прежде чем отправиться на такую длинную прогулку. Мог ли я отказаться выпить с этими двумя задушевными парнями? Необходимо было вспрыснуть нашу дружбу. Этого требовал обычай. Мы все смеялись над нашим капитаном-трезвенником и презирали его за то, что он ничего не пил. Мне лично пить вовсе не хотелось, но зато мне надо было доказать, какой я хороший товарищ и славный малый. Даже воспоминание о Луисе не остановило меня, когда я глотал едкую, обжигающую жидкость. Правда, Джон Ячменное Зерно нанес Луису жестокий удар, но я-то ведь был молод, кровь, мол, здоровая и яркая, быстро текла по жилам, организм у меня железный и... ну, молодость всегда презрительно смеется при виде разрушительных действий старости.

Странный, крепкий напиток дали нам. Он сильно отдавал алкоголем. Нельзя было угадать, где и каким образом он приготовлен; скорее всего это была какая-то туземная настойка: он был горячий, как огонь, прозрачный, как вода, и действовал быстро, как смерть. Он был разлит по бутылкам из-под голландского вина, на которых сохранилась этикетка с весьма подходящим названием «Якорь». И в самом деле, от действия этого напитка мы стали на якорь. Мы так и не выбрались из города. И на сампане не поехали, и рыбы никакой не ловили. И хотя мы простояли на острове десять дней, но так ни разу и не прошли по тропинке, шедшей вдоль утесов из лавы и утопавшей в цветах.

В городке мы встретили старых знакомых с других шхун – людей, с которыми мы бывали вместе в кабаках в Сан-Франциско перед отплытием. Каждая такая встреча начиналась выпивкой: поговоришь о том о сем, опять выпьешь; потом начинаешь песни и всякие шутки, пока, наконец, не зашумит в голове. Тогда все начинало казаться мне каким-то значительным и чудесным – все эти орудия во всю глотку старые морские волки (одним из которых был и я сам), собравшиеся для кутежа на коралловом утесе среди океана. Мне вспоминались отрывки из баллад о рыцарях, пирующих в старинном зале. Вот они расселись: эти за почетным концом – выше соли, а те – ниже соли; вот викинг только что вернулся с моря и сел за пир в ожидании битвы. И я чувствовал, что еще не умерла вся эта старина и что мы принадлежим к той же самой древней породе.

Еще не настал вечер, как Виктор от пьянства совершенно потерял рассудок. Он хотел драться со всеми и со всем. Мне случалось видеть в сумасшедших домах буйных помешанных; разницы между ними и Виктором не было никакой – разве только та, что он был еще несноснее. Нам с Акселем все время приходилось вмешиваться, мирить подравшихся, так что и нам попало в общей свалке; наконец, мы ухитрились, пустив в ход всю нашу осторожность и хитрость пьяных людей, уговорить нашего приятеля сесть в лодку, после чего мы отвезли его на судно.

Но не успел Виктор ступить на палубу, как начал скандалить. Силен он был, как несколько человек, вместе взятых, и он поднял на судне дым коромыслом. Ясно помню, как он загнал одного матроса в ящик с цепями; к счастью, тот не особенно пострадал – Виктор не в состоянии был как следует хватить его. Матрос всячески увертывался и увиливал от него, и Виктор в кровь расшиб себе кулаки об огромные звенья морской цепи. Когда же нам, наконец, удалось вытащить его из ящика, помешательство его успело уже принять другую форму: он вообразил себя великим пловцом и вдруг перескочил за борт и начал демонстрировать свое умение плавать, барахтаясь, как полудохлая морская свинья, и усиленно глотая соленую влагу.

Мы выудили его из воды, снесли вниз, раздели и уложили на койку, после чего и сами почувствовали себя совсем разбитыми. Но все-таки нам с Акселем хотелось еще побывать на берегу; мы и отправились, оставив на судне громко храпевшего Виктора. Любопытно то, что товарищи Виктора, сами не дураки выпить, осуждали его. Они неодобрительно качали головой и бормотали: «Такому человеку пить нельзя!» А между тем Виктор был самым ловким

матросом и самым добродушным человеком из всего экипажа. Это был во всех отношениях идеал моряка; товарищи ценили его по заслугам, уважали и любили. Но Джон Ячменное Зерно умел превращать его в одержимого. Вот здесь-то и делали различие между ним и собой прочие пьяницы. Они знали, что от пьянства – матросы всегда пьют чрезмерно – они тоже сходят с ума, но они впадали лишь в тихое помешательство. Буйное помешательство – вот это уже не годилось: оно портило веселье другим и часто кончалось трагедией. С точки зрения этих людей, в тихом помешательстве не было ничего предосудительного. Если мы станем на общечеловеческую точку зрения, разве не всякое помешательство является предосудительным? А кто умеет внушить безумие лучше Джона Ячменное Зерно?

Однако вернемся к нашему рассказу. Очутившись на берегу, мы с Акселем забрались в уютный японский трактирчик, уселись там и начали подсчитывать и сравнивать, у кого из нас больше синяков; за стаканчиком мы обсуждали недавние происшествия. Нам понравилось спокойно пить в тишине, и мы пропустили еще по одному. Тут в трактирчик заглянул один из наших товарищей, потом еще несколько, и мы продолжали с ними нашу скромную попойку. Наконец, мы пригласили японский оркестр, но не успели прозвенеть первые ноты *самисены* и *тайко*, как вдруг с улицы донесся дикий вой, ясно слышный сквозь бумажные стены. Мы узнали этот звук. Виктор, все еще продолжая вопить и совершенно пренебрегая дверями, влетел к нам, прорвав хрупкие стены дома. Глаза у него были налиты кровью, он дико размахивал мускулистыми руками. На него напало прежнее безумие; ему хотелось все уничтожить на своем пути; он жаждал крови, чьей-нибудь крови. Музыканты обратились в бегство; мы тоже. Спасаясь, мы вбегали в какие-то двери, порой лезли напролом сквозь бумажные стены; мы готовы были на все, только бы нам удрать.

К тому времени, когда дом оказался наполовину разрушенным, Виктор успел немного успокоиться; мы с Акселем согласились уплатить хозяину за все убытки, а сами отправились на поиски более спокойного местечка. На главной улице шел дым коромыслом. Сотни матросов в буйном веселье гуляли взад и вперед. Ввиду того, что начальник полиции со своим немногочисленным отрядом оказался совершенно бессильным, губернатор приказал всем капитанам судов собрать свои команды на корабли до захода солнца.

Что? Так вот как хотят с нами обращаться! Не успела эта новость дойти до шхун, как на них не осталось ни одной души. Все сошли на берег. Даже те, кто вовсе не собирался раньше, начали прыгать в лодки. Злосчастный приказ губернатора спровоцировал всеобщий скандал. После захода солнца прошло несколько часов, но матросы заявляли одно: «Пусть только попробуют вернуть нас на суда!». Они ходили по городу и приглашали все власти попытаться это сделать. Самая большая толпа собралась перед домом губернатора; пели во все горло матросские песни; из рук в руки передавали бутылки; некоторые шумно плясали. Полицейские, в том числе и резервный отряд, стояли кучками, совершенно беспомощные, и ждали от губернатора приказания, которого он весьма благоразумно не отдавал.

Мне эта вакханалия представлялась чем-то величественным. Казалось, будто вернулись времена испанских пиратов. Здесь был широкий, свободный разгул – это было достойно великих авантюристов. И я тоже участвовал в этом разгуле, и я был одним из этих морских разбойников, буйствовавших среди бумажных домиков японского городка.

Губернатор так и не отдал приказа очистить улицы. Между тем мы с Акселем продолжали бродить из трактира в трактир и везде выпивали. Вскоре во время какой-то пьяной проделки мы с ним разлучились, и я потерял его из виду; у меня у самого уже зашумело в голове. Я побрел дальше, на каждом шагу заводя новые знакомства; я пил стакан за стаканом и пьянел все больше и больше. Помню, я сидел где-то вместе с японскими рыбаками, с рулевыми гавайцами из нашей же флотилии и молодым матросом-датчанином, только что вернувшимся из Аргентины, где он был ковбоем. Этот датчанин очень интересовался местными обычаями и обрядами. И вот мы начали пить *сакэ*, с полным и точным соблюдением всего японского

этикета. Это был бесцветный, мягкий, тепленький напиток; подавали его в крошечных фарфоровых чашечках.

Помню еще мою встречу с юнгами – парнями лет восемнадцати – двадцати из английских семей средней руки. Они сбежали с судов, куда их отдали для обучения морскому делу, и вот теперь они очутились на промысловых шхунах в качестве матросов. Это были цветущие, ясноглазые юнцы с гладкой кожей; они были молоды, как и я, и тоже учились жизни среди взрослых мужчин. Да они и вправду уже были взрослыми. Они не хотели пить слабый *сакэ*, им нужны были четырехугольные бутылки, наполненные едкой, огненной жидкостью, которая зажигала у них кровь и возбуждала пожар в мозгу. Помню одну трогательную песню, которую они пели, с таким припевом:

Хочу тебе кольцо я дать,
Сынок мой дорогой,
Чтоб вспомнил про свою ты мать
В час бури роковой.

И они плакали, когда пели эту песню, – эти бесшабашные юные негодяи, нанесшие такой удар гордости своих матерей. Я тоже пел вместе с ними, и плакал вместе с ними, и наслаждался этой трогательной и драматической сценой, и пытался дать какое-то пьяное хаотическое объяснение жизни и романтическим приключениям. И еще одна картинка, которая ярко и отчетливо выделяется в тумане времени: мы – эти юнцы и я – идем по улице, обнявшись и покачиваясь, а над нами сияют звезды. Мы поем какую-то лихую матросскую песню, поем все, за исключением одного: он сидит на земле и горько плачет, а мы отбиваем такт, размахивая бутылками из-под джина. С обоих концов улицы доносятся голоса матросов, поющих, как и мы, хором, и вся жизнь кажется значительной, прекрасной, каким-то фантастическим и великолепным безумием.

Затем опять следует тьма, после нее я, открыв глаза, вижу при бледном свете начинающегося дня японку, которая заботливо и тревожно склоняется надо мной. Это жена местного лоцмана, и я лежу у двери ее дома. Мне холодно, я весь дрожу, я болен после вчерашней попойки. Чувствую, что я слишком легко одет. Ах, эти негодные юнги! У них, видно, вошло в привычку удирать. Теперь они удрали со всем моим имуществом. Часы мои исчезли. Несколько долларов, которые у меня были, тоже пропали. Нет и моего пальто. Пояса тоже. И... да, верно, башмаки тоже утащили.

Я описал для примера один из десяти дней, проведенных нами на Бонинских островах. Виктор оправился от своего временного сумасшествия, разыскал меня и Аксея, и мы после этого пили с большей осторожностью. Но мы так и не поднялись по тропинке из лавы, заросшей цветами. Город да бутылки из-под джина – вот все, что мы видели.

Тот, кто сам обжегся, не может не предупреждать других об опасности. Поступи я так, как следовало, я мог увидеть на Бонинских островах много интересного, получить от многого настоящее удовольствие. Но я отлично понимаю, что дело вовсе не в том, как следует или как не следует поступать. Важно то, как поступаешь на самом деле. Такова извечная, неопровержимая истина. Я делал то, что делал. Я делал то, что делали все матросы на Бонинских островах. Я делал то, что делали в то самое время миллионы людей в различных точках земного шара. Я поступал так потому, что все меня толкало на этот путь, потому что я был человеком, вернее, мальчишкой, продуктом своей среды; потому что я не был ни болезненно-малокровным субъектом, ни полубогом. Я был просто человеком и шел по тому же пути, по которому шли все, шли люди, пред которыми я преклонялся, прошу не забывать – здоровые полнокровные мужчины, крепкие, могучие, шумливые, свободные духом, не рассчитывавшие по-мещански каждый свой шаг, а с истинно царским великолепием расточавшие и жизнь, и свои силы, и деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.